

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ

МЕЧ ГОСПОДА
НАШЕГО. КНИГА 3.
ПОМНИ ИМЯ СВОЁ!

Третья Мировая война

Александр Афанасьев

**Меч Господа нашего.
Книга 3. Помни имя своё!**

«Остеон-Групп»

2020

Афанасьев А. Н.

Меч Господа нашего. Книга 3. Помни имя своё! /

А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» , 2020 — (Третья Мировая война)

ISBN 978-5-85689-251-1

Эта книга состоит из трёх внутренне взаимосвязанных историй. В первой истории – группа исламских экстремистов взрывает теплоход на пруду, а потом расстреливает людей на пляже. Они не выдвигают требований, им ничего не надо – они просто убивают во имя Аллаха. На их пути встают не правоохранительные органы – а равнодушные люди, военные и гражданские, которым не все равно, где они живут. И на этом пути, борясь со злом – они и сами творят зло. Но все обрывается, когда две ракеты попадают в нефтеперерабатывающий завод в Уфе. Во второй истории – исламские экстремисты устраивают мятеж в одной из кавказских автономий, подталкиваемые британскими военными советниками. И тут на их пути становятся равнодушные – казаки, отставные и действующие офицеры. Президент же автономии истерически требует эвакуировать его со всем наворованным, не подозревая что в его охране смертник. А всем местным милиционерам, военным, просто авторитетным людям теперь надо выбирать – с кем они. Потому что на двух стульях сидеть больше уже не получается. В третьей истории лейтенант Томас Крайс из Бундесвера – служит в Афганистане. Эта командировка называется айнзац. Он не понимает, зачем он здесь, но добросовестно несет службу. А еще ему снятся странные сны – про Берлин сорок пятого. И однажды – он попадает в какое-то странное место и встречает там давно погибшего прадеда...

ISBN 978-5-85689-251-1

© Афанасьев А. Н., 2020

© «Остеон-Групп» , 2020

Содержание

От автора	7
Удмуртия, Россия. Ижевск, пруд. Речная пристань. Утро 25 июля 2015 года	10
Удмуртия, Россия. Ижевск, ул. Пушкинская. Тир спортобщества «Динамо». Вечер 25 июля 2015 года	14
Российская Федерация, Татарстан. Агрыз, улица Энгельса. Ночь на 26 июля 2015 года	19
Удмуртия, Россия. Ижевск, ул. Пушкинская. Здание УФСБ по Удмуртской Республике. Утро 26 июля 2015 года	34
Удмуртия, Россия. Ижевск, Пляж. Примерно 11.30 московского времени	37
Удмуртия, Россия. Пригород Ижевска, коттеджный поселок Металлург. Ранний вечер 26 июля 2015 года	46
Удмуртия, Россия. Ижевск. Коттеджный поселок Татар-базар. Вечер 26 июля 2015 года	52
Башкортостан, Россия. Автовокзал. 27 июля 2015 года	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Афанасьев

Меч Господа нашего (Третья мировая война). Часть 3. Помни имя свое!

Что касается твоего самоуспокоения далекими надеждами, страхом перед суровой жизнью, беспокойством о смерти, которая неизбежно произойдет и страхом перед тропой, которой надо идти, клянусь Аллахом! Поистине! Смелость не сокращает жизнь смелых, также как отсизживание не удлиняет жизнь тем, кто сидит дома
Книга Джихада

© А. Афанасьев.2020

© ООО «Остеон-Групп», 2020

От автора

Эту тему не поднимают в современной литературе. Эту тему замалчивают в современной прессе – хотя информации о русских фашистах полно. По крайней мере, я не читал ни одного автора, ни одного, даже примитивного рассказа, который поднимал бы эту тему. Возможно – из-за новизны этой темы. Возможно, потому что она слишком страшна.

Русские ваххабиты...

Мы, русские, привыкли ощущать себя единым целым, неким монолитом, единой нацией с одними и теми же ценностями, религией, правом. Мы очень болезненно переживаем раскол внутри себя – примерами такого раскола была и смута 1612 года и революция, а потом гражданская война 1917–1922 годов. В нашем обществе – совершенно не выработан механизм общения с человеком, который такой же, как ты, но при этом исповедует совершенно другие ценности... в этом смысле русские намного добрее к чужим. Чужой может быть другим, на то он и чужой, а вот русский – должен быть именно русским во всем. Это называется отсутствием толерантности, хотя... как показал норвежский расстрел и тулузский расстрел толерантность – это удобный миф, не имеющий за собой ничего, никакой почвы. Искусственный проект, не прижившийся ни в коей мере и отвергаемый обеими сторонами – одним он мешает защищать, другим – завоевывать. Андерс Беринг Бревик и Мухаммед Мера – это две стороны одной медали, люди, которые ненавидели тех, кто живет рядом настолько, что решили их убить – как можно больше убить. Действительность показывает, насколько глубока нора и сколь страшные демоны – таятся в ее глубинах.

Но Мухаммед Мера – не француз, это человек из Алжира, француз только по паспорту. А что делать в случае, когда противоположные твоим взгляды начинает отстаивать, и не словом, а делом человек, который родился и вырос рядом с тобой, который с тобой одной крови?

Как получилось так, что русские, люди с именами Иванов, Петров и Сидоров – становятся мусульманами, причем радикальными? Откуда взялся взорвавший Домодедово ваххабит Виталий Раздобудько? Кто такой «русский мусульманин Александр Яшин»? Как получилось так, что Бесланскую школу пошли захватывать боевики под командованием Владимира Ходова, родившегося на Украине?

Русские мусульмане – это проект по расчленению и окончательному уничтожению России и искоренению русских как народа, но проект этот родился не на Западе, а на Востоке. Он финансируется и направляется извне – но он не срабатывал бы раз за разом без глубоких и серьезных корней внутри русского общества. Корни самых разных проблем – проросли буквально в последние четверть века и всходы они дают самые страшные – в том числе и такие, как русские ваххабиты. Это преддверие или гражданской войны или пятой колонны, которая будет наносить нам удары в спину во время нашей борьбы за выживание.

Первая причина, первая и главная проблема нашего общества, породившая русский ваххабизм – это отсутствие идеологии. До девяносто первого года – мы жили в предельно идеологизированном обществе, где каждое событие, действие или явление должно было получать понятное и непротиворечивое объяснение со стороны господствующей идеологии. В этом – мы были схожи с Востоком, только там идеологией был шариат, у нас – коммунизм. В этом смысле и Европа и США менее уязвимы – американцы например, просто принимают мир таким, каков он есть и, возможно пытаются изменить его – но не ищут ему объяснений. Искать объяснений, стремление докопаться до первопричин – это одновременно и русская черта и черта Востока.

Крушение... даже не крушение, а низвержение идеологии – породило в душах людей чудовищный вакуум, хаос и растерянность: они не привыкли жить в деидеологизированном обществе и чтобы привыкли – нужно было как минимум сорок лет, время жизни поколения. На место низверженных героев со всех сторон рванулись новые... вот почему и в девяностые

и в нулевые столь популярными были различные секты, в том числе деструктивные, такие как Аум Сенрике. Вот почему Россия так тяжело пострадала от финансовых пирамид и даже когда Мавроди в 2011 года основал МММ-2011 и в открытую, ничего не скрывая, назвал ее пирамидой – деньги понесли и туда! Это ведь тоже вера... когда тебе предлагают сто процентов прибыли в год, по моему любой, кроме откровенных дебилов поймет что это разводка... но верить то хочется! Одной из новых идеологий, укоренившихся и пустивших всходы на руинах советского общества – стал ваххабизм.

Вторая причина распространения ваххабизма – это его тоталитарность и внутренняя схожесть, созвучность даже не то что коммунизму – но и более глубоким пластам русской души, истинно русского сознания. Извращенным образом – концепция мусульманской уммы, общины – перекликается с русской общиной и соборностью. Великая цель в виде Всемирного исламского халифата перекликается с мечтами о мировом коммунистическом государстве. Справедливость и равенство в умме перекликается с русской жадой справедливости. Разница между русским проектом и исламистско-ваххабитским проектом в двух вещах. Первая – русский проект никогда не предполагал уничтожение инаковерующих – в то же время ваххабитский проект предполагает ПОГОЛОВНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ всех кто не примкнет к нему, допустимость войны и террористических действий. Это схоже с коммунизмом, несущим счастье человечеству на штыках, это схоже с фашизмом, настоящим фашизмом – но не с русским проектом. Вторая – русский и особенно советский проект предполагает приход к счастью за счет развития и прогресса, русские стремились в космос и изобретали еще до семнадцатого года – в то время как ваххабизм предполагает реакцию и регресс. Русские верили в счастье в будущем – в то же время ваххабиты верят в счастье, которое было в первые четыре века существования ислама и стремятся весь мир низвергнуть в средние века. Ваххабитский проект не предполагает полетов в космос – он несет грязь, вшей, болезни, многоженство, отрезанные головы на площадях под завывание муллы с минарета, догматизм, моральное и нравственное одичание и разложение. Жечь костры и в церковь гнать табун – вот что такое ваххабизм. В стремлении законсервировать то, что есть и максимально упростить жизнь – видна русская крестьянская утопия начала двадцатого века, чтобы не давать рекрутов, не платить налоги и просто пахать землю общиной – но при этом в ваххабизме не видно и не следа русского гуманизма. Ваххабизм – гораздо лучше подходит озлобленному на весь мир молодому человеку начала двадцать первого века – чем истинно русский гуманизм.

Третья причина распространения ваххабизма – это его искусственное привнесение и культивирование на русской земле и вытекает она из особенностей политического и чиновничьего строя конца прошлого тысячелетия и начала нынешнего. Чиновничество того времени – причем как русское, так и национальное – благополучно совместило в себе почти полное отсутствие этических и моральных запретов, отсутствие в душе святого – и бесстрашие перед тем, что они делают. Больше чем сорок лет, прожитые без войны, в безопасности, с осознанием того что ядерное оружие не даст совершить нападение сыграли очень дурную шутку – вероятность катастрофического развития тех или иных событий, гибели государства не осознавалась и не принималась в расчет. Даже гибель СССР не послужила уроком – потому что она прошла почти бескровно и основа СССР, Россия – осталась единой. Построение же жесткой вертикали власти в начале нового тысячелетия – вызвало всплеск подпольного сепаратизма и лихорадочный поиск местными элитами рычагов воздействия на Центр – при полной внешней лояльности. В свою очередь – обиравый и бессовестно нагибаемый при первой возможности бизнес – тоже искал рычаги воздействия на местных князьков... и даже не рычаги воздействия, а возможность отомстить. Потому что если тебя раз за разом «имеют» – это очень неприятно и любой нормальный человек стремится отомстить. Национализм и ваххабизм стали такими рычагами в республиках с мусульманским населением. Местные власти подпольно лелеяли экстремистов – чтобы показать Центру: если вы нас снимете, то будет плохо, видите, то у нас

делается, только мы едва крышку удерживаем... а то ведь рванет как в Чечне. Бизнесмены в Татарстане, Башкортостане, цинично отодранные властями в очередной раз давали деньги ваххабитам и открывали подпольные молельни – примерно так же, как в истинно русских областях Центральной России при схожих обстоятельствах бизнесмены давали деньги КПРФ или ЛДПР. Никто из этих людей, успокоенных семьюдесятью годами без настоящей войны не представлял себе, что такое нападение, бомбежка, эвакуация, не представлял себе, что такое защищать свой родной порог с оружием в руках. Благоклонно слушая про справедливость и давая деньги радикальному мулле – татарский бизнесмен и представить себе не мог, что через несколько лет этот мulla вместе со своими отмороженными сподвижниками может распять этого бизнесмена на воротах его дома, предварительно изнасиловав на его глазах всю семью. О таком просто не думали.

Наконец, есть четвертая причина распространения ваххабизма, она вытекает, наверное, из первых двух – но я ее озвучу, потому что в основном из-за нее в ваххабизм приходили молодые русские парни. Это отрицание конкуренции и боязнь проиграть. Выстроенное в России нового тысячелетия общество, общественный строй, система взаимоотношений была честной (кем можешь стать тем и становись!) но в то же время предельно жестокой к проигравшим. Что могла предложить эта система паренькам из небольших провинциальных городков? Они ведь не были американцами, у которых страсть к конкуренции и желание прогрызаться зубами к успеху в крови, они – дети совсем другого поколения, родителей, которые выросли в другой стране. В основном – они выросли в девяностые, когда родители думали о том, как выжить, а не о том, как воспитать своих детей. Они выросли, видя, как родители бьются как рыба об лед, но не добиваются успеха. Они выросли в городках, где несколько семей – наверное, мэр, директор местного заводика, директор рынка – вдруг начинали резко богатеть... а ведь нет худшего хозяина чем бывший раб. Они видели по телевизору, по Интернету жизнь, которая проходила мимо них – с Бентли, лазурным морем и яхтами. Наконец, их девчонки, которые росли рядом с ними, которые были их по праву – уезжали в большие города, чтобы удачно выскочить замуж, а то и стать... понятно кем, в общем.

И тогда кто-то из этих парней, русских по крови и по рождению – отращивал бороду и брил усы, выбрасывал из дома все портреты, обрезал штаны, надевал паранджу на жену, чтобы она навсегда оставалась его, и становился частью ваххабитской общины. Там он находил таких же как он единомышленников, там он находил братство, там он находил людей, которые всегда помогут. Там он находил и тех, кто готов был бороться с ненавистным ему государством, кто готов был устанавливать справедливость с автоматом в руках. Он ехал в полевой лагерь, проходил первичную военную подготовку и...

А другой такой же парнишка, скорее всего из большого города, где в последнее время что-то много развелось горбоносых и смуглых людей, не желающих говорить как русские, жить как русские и соблюдать русские законы – наоборот, они демонстративно их нарушали – получал лицензию, «зеленую бумажку», покупал старенькую Сайгу и стучался в двери «Союза Ветеранов» или другой такой организации. И говорил, что он русский, навсегда останется русским и готов сражаться за свою землю с оружием в руках. И его принимали, давали место в строю...

Не пытайся узнать, сколь глубока нора. Не надо...

Удмуртия, Россия. Ижевск, пруд. Речная пристань. Утро 25 июля 2015 года

Была суббота, утро 25 июля 2015 года, жаркого лета две тысячи пятнадцатого года. День, следующий за днем, когда не изменилось ничего – и в то же время изменилось все. День, который уцелевшие потом будут помнить как день начала Второй гражданской войны в России. День, который потом многие будут считать днем рождения новой России. Но тогда – этого никто еще не знал.

Ижевск, в двадцатом веке перехвативший у Тулы и Сестрорецка звание «столицы русского оружия», город – завод был построен два с небольшим века назад как город при железоделательном и оружейном заводе на берегу реки Иж. Его проектировали те же архитекторы что и Санкт-Петербург и в первые пятьдесят лет своей жизни он был архитектурно очень похож на столицу Империи. Точно так же – строительство шло вокруг водоема, правда, в одном случае это было море, в другом – заводской пруд. И тут и тут – закладывались прямые, правильной европейской планировки улицы. На набережной – закладывалось здание оружейного завода с шпилем, которое существует до сих пор.

Сейчас все, конечно же, по-другому. Домишки, которые прилепились к возвышающемуся над прудом холму (а Ижевск очень холмистый город, его называют город на семи холмах) давно уже снесли, теперь на этом месте – где заросшие бурьяном пустыри, где – строительство многоэтажек – генпланом города здесь предусмотрено строительство элитного жилья. Скос холма, обращенный к пруду – теперь засажен газонной травой и тут же проложена дорога, дублирующая предельно загруженную, старую улицу Максима Горького, где не протолкнуться даже зимой – а уж летом, когда отдыхающие ставят автомобили у Генеральского сада... От Центральной площади вниз, до самого пруда – идет широченная, многопролетная лестница. Внизу, на воде – планировали поставить монумент, а рядом, на месте бывшего яхт-клуба – гостиницу Калашникова на насыпном острове – но так и не начали стройку – хотя остров насыпали, теперь на нем загорают. Пока не продвигалось и строительство масштабного навесного моста через пруд, который планировался как часть объездной дороги, призванной закольцевать здесь движение и разгрузить центр города от постоянных пробок. Хотя строительство начали и тут, дорогу планировалось прокладывать через парк Кирова (против чего жестко протестовали жители) и до МСК-14, ранее одного из крупнейших заводов по выпуску мотоциклов во всем мире, а теперь захудалого бизнес-центра заполненного почти наполовину.

В этот день, день жаркий, солнечный, душный уже с утра – неприметная серебристая малолитражка – прокатилась по широченной трассе, построенной на набережной, у плотины резко повернула направо, покатила дальше. По левую руку было как раз здание бывшего главного корпуса Ижевского оружейного завода, построенного в тысяча восемьсот втором году, еще до войны с Наполеоном, справа – пешеходная зона и пруд. Через три сотни метров автомобильный поток раздваивался: меньшая часть машин следовала дальше, там было новое заводоуправление Ижмаша, пятая проходная Ижевского оружейного завода (производство 100) и клуб для гомосексуалистов на охраняемой территории в заводской столовой (днем он не работал). Большая часть машин сворачивала направо – там была главная речная станция, откуда отходили идущие на Воложку теплоходики и скоростная, малозагруженная сейчас трасса, идущая на МСК-14 и дальше, в микрорайон Строитель и на выезд из города.

Серебристая микролитражка свернула направо – и почти тут же остановилась. У речной станции – народа было много, суббота, дачники едут на огород, простые отдыхающие – купаться на Воложку. Ехали рыбаки, ехали огородники – а с той стороны огорода были и лучше всего до них было добираться именно по воде – и еще были дети. Как минимум два класса –

тусовались в огороженной выкрашенными выпцветшей краской решетками зоне, бегали друг за другом, чуть в воду не падая, толкались, жевали жвачку, пили колу, матерились, играли в игры на мобильниках, а кое-кто и на планшетниках. Сопровождающие – даже не пытались навести порядок, их задачей было – смотреть, чтобы никто не упал в воду и не выскочил за решетку – а то придется еще раз платить за билет.

У причала – утробно урчала дизелем старенькая Москва-125, которая перевозила пассажиров на Ижевском пруду лет сорок и наверное, обречена была выполнять эту работу еще на сорок лет, потому что денег от продажи билетов едва хватало на текущие расходы...

Глаза человека, сидящего на переднем пассажирском сидении, хищно блеснули. Дети! Дети русистов!

Этот человек был среднего роста, чернявым, он хорошо говорил по-русски, по-татарски и по-арабски. В толпе он ничем не выделялся – кроме разве что более светлой и нежной кожи на подбородке – признак недавно сбритой бороды. Обучение в Ростовской школе милиции, а потом и в лагере Талибана в Пакистане – дало ему необходимые террористу навыки. Любой профессионал при виде этого – заподозрил бы неладное, но в Ижевске, расположенном в самом центре России – террора не было и к такому готовы не были. Местные оперативники УФСБ соответствующего отдела существовали за счет того, что вяло боролись с русским фашизмом и национал – большевизмом.

Человек повернулся, чтобы смотреть в глаза сидящему на заднем сидении молодому человеку – бледному, нездоровому на вид.

– Абдалла. Ты слышишь меня?

– Да...

– Абдалла. Твое имя означает раб Аллаха. Ты раб Аллаха. Ты Абдалла.

– Абдалла...

– Да. Ты – Абдалла. Ты должен сесть на этот теплоход. На, держи.

Абдалла принял небольшой серый комок, сунул за щеку. Это был насвай.

– Ты должен сделать это. Во имя Аллаха.

– Да. Во имя Аллаха...

– Во имя Аллаха... Аллах с тобой, иди.

– Во имя Аллаха...

Человек этот видел, что Абдалла вот – вот поплывет. Когда они снимали кассету – сейчас видеокассеты заменяли флэш-карты, но это по-прежнему называлось кассетой – Абдалла держался куда увереннее. Но – не сейчас.

Впрочем, больше работать все равно было не кем.

– Аллах с нами!

– Аллах с нами, брат. Иди с миром.

Человек испугался – слово Аллах было произнесено достаточно громко, а в России образца две тысячи пятнадцатого года это слово вызывало вполне определенную реакцию. Но видимо, Аллах был с ними – никто и ухом не повел.

– Иди, проводи! – сказал он водителю

Тот послушно вышел из машины...

Человек на переднем пассажирском сидении закрыл глаза... Аллах с ними и ничего не может быть не по воле его. Аллах все равно сделает, как пожелает, какова воля его, так и будет. Он, раб Аллаха – сделал все что мог – и пусть все будет по воле его...

Видения – плыли по тыльной стороне век... разрыв американской бомбы, взметнувший столб пыли и дыма в небеса, полосующие небо лисьи хвосты пламени – старт самодельных снарядов в сторону американской военной базы, вспышки... вспышки... человек, выплевывающий кровь на бороду... он уже наполовину в раю, он уже наполовину шахид...

* * *

– А это – че за шибздик?

Собравшиеся на закрытой палубе тесной кучкой в углу хулиганы – повернули голову в сторону пробирающегося между рядами кресел молодого человека. Кресла здесь были как в старых, советских электричках и даже хуже.

– Не е...

– Толич, видел его?

– Не. Не наш.

– А куда это он попер?

Хулиганы говорили нарочито громко – но человек не обращал на них никакого внимания, и это заводило еще больше.

Наконец, один из хулиганов, хилый и от этого особенно драчливый – направился навстречу неизвестному, толкнул его.

– Э, ты чо?

Это было поводом для драки. Но драться то как раз расхотелось – вблизи, хулиган увидел глаза этого. В голове промелькнуло – нарик. Совсем обширянный. А у нарика – то нож, то бритва, ему все параллельно...

– Ты кто такой? – спросил хулиган, чтобы немного прийти в себя и сменить испуг на привычный заводной кураж.

Вдруг – у человека зазвонил телефон в кармане, почти неслышно. Но он не полез рукой в карман, как это делают нормальные люди, у которых зазвонил сотовый телефон. Вместо этого – он поднял глаза к потолку и выкрикнул громко и страшно

– Аллах Акбар!!!

* * *

– Отец...

Человек открыл глаза. Теплоход уже давно отвалил от причала, развернулся и сейчас вышел почти на середину пруда.

– Да.

– Он не сделает. Он слабый.

– Да... – согласился отец. Не сделает.

Он достал сотовый телефон. Прощелкал номер и нажал на вызов. Вдалеке – негромко, отрывисто громынуло.

– Аллах Акбар!

– Аллах Акбар! – повторил сын, который не видел отца больше десяти лет.

* * *

Сначала – никто даже не понял, что произошло.

Взрыв не вызвал большого пожара, просто на нижней палубе вылетели разом все стекла. Потом – теплоход остановился прямо посреди пруда, и это привлекло внимание рыбаков, зевак на набережной и отдыхающих на пляже – чтобы теплоход останавливался посреди пруда – такого еще не было. Потом – наиболее остроглазые заметили дымок, выбитые стекла и закрычали – пожар! Активизировались спасатели, находящиеся ниже завода Купол, к остановившемуся теплоходу рванули сразу несколько скоростных лодок. А когда – на набережную стали с

воем выезжать машины скорой помощи, а теплоход – медленно пошел к мало используемой запасной пристани посредине набережной – вот тут-то все поняли, насколько это серьезно...

Удмуртия, Россия. Ижевск, ул. Пушкинская. Тир спортобщества «Динамо». Вечер 25 июля 2015 года

Взрыв на прогулочном теплоходе в Ижевске, столицы до этого ничем не отличившейся в плане терроризма Удмуртии – стал первой ласточкой, одной из первых ответных мер боевиков на случившееся на днях в Ростове на Дону. Удивляло место избранной террористической атаки – Ижевск, почти русский город в маленькой национальной республике, при том, что в этой республике около половины населения составляли русские, на втором месте шли татары и только потом – коренное население, удмурты, ради которых собственно и создавалась отдельная республика. Но в этой республике – все было не так то просто. Низкое качество управления привело к тому, что одна из самых процветающих национальных республик Союза, город-завод, где людей заманивали всеми благами, квартирами сразу и всем прочим – скатилась в самый низ, многие заводы остановились и были разворованы. В последнее время – сильно тащил вперед автозавод, устанавливающий рекорд за рекордом в выпуске машин – но дело уже было сделано. В республике – была сильна идея отказаться от формальной автономности и присоединиться к благополучному Татарстану, где о промышленности заботились и качество госуправления было не в пример выше удмуртского. Эту идею горячо поддерживали татары, которых в республике была пятая часть от населения, а в Ижевске – четверть, и самое главное – эту идею поддерживали некоторые русские, которым просто обрыдло жить в бардаке. В республике практически не было исламского экстремизма, строительство (точнее восстановление снесенной большевиками) большой мечети в самом центре Ижевска было всеми воспринято нормально – а ижевские татары – хулиганы с Татар-базара не раз ходили встречать на вокзал электричку из Казани с казанскими хулиганами – с дрекольем в руках. Здесь не выявлялись проповедники из Саудовской Аравии, здесь никто не говорил про истинный ислам, про шариат... здесь просто было тихо и мирно. И в последние годы – даже и неплохо. Но произошедшее на пруду показало – сколь обманчива была эта тишина.

Примерно в три часа дня по местному времени – а оно совпадало теперь с московским – в ижевском аэропорту, почти заброшенном и принимающем хорошо, если пару рейсов в день – приземлился Як-42, относящейся к государственной авиакомпании Россия. Этим рейсом – в город прибыла группа опытных сотрудников Центрального аппарата ФСБ, специалистов по борьбе с терроризмом. Когда несколько машин – мчались по направлению к городу, начальник УФСБ по Удмуртской Республике, генерал Василий Вдовин орал на подчиненных. Он занимал этот пост уже два месяца, но при этом совершенно не владел оперативной обстановкой в республике, знания и опыт заменяя угрозами и матом. Генерал Вдовин был жертвой последних мер по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти: теперь, чтобы не обрести коррупционными связями, чиновник не мог занимать один и тот же пост более пяти лет, а сотрудник правоохранительных органов – более трех, причем для офицеров высокого ранга предпочтительным было перемещение в другой, незнакомый регион. В результате – не стало людей, работающих на своем месте всю жизнь и знающих работу во всех ее тонкостях и аспектах, органы наполнились теми, кого во времена оные клеймили на партийных собраниях и называли «летунами». Нахождение на должности начальника ГУВД, министра внутренних дел региона, начальника УФСБ человека, который не знает, как улицы в городе называются (потому что на машине с работы – на работу возят) – стало нормой. Причем, что самое удивительное – коррупция не уменьшилась, брать стали еще лише, спеша урвать, пока есть возможность, а обещания часто не выполняли, особенно перед переводом. Вот так и жили...

* * *

Старший опер отдела по борьбе с экстремизмом и терроризмом Дмитрий Башлыков, взмыленный, уставший, совершенно не готовый к авральной работе и потерявшей за последние двадцать четыре часа все представления о происходящем – с визгом развернулся, припарковал свою КИА у высотки Удмуртгражданпроекта.

По покروшившимся ступенькам стадиона он буквально взлетел, пробежал к старым, еще с советских времен оставшимся дверям, пробежал коридорами. Толкнул массивную дверь – за ней был само стрельбище, оно почти пустовало – но двое на огневом рубеже все же были. Один – как раз тот, кто нужен. На столе – лежало оружие. Много.

Опер резко схватил одного из стрелков за рукав, дернул на себя. Тот обернулся.

– Ты что, охренел в атаке?

Опер задохнулся от возмущения

– Это я тебя должен спросить, ты совсем охренел, или как. С Москвы комиссия прилетела, а ты тут бабахингом занимаешься! Твою мать!

– Ты мою мать не приплетай!

Стрелок выразительно посмотрел на руку, опер вынужден был отпустить его.

– Ты Галлямова помнишь? Он у вас оперативную тактику вел?

– И чо?

– Через плечо. Значит, слышал. Оперативная беспомощность – рукоблудием не лечится, курсанты. Напомнить?

Опер отвернулся

– Проехали.

В этот момент, второй стрелок на рубеже шарахнул из короткого Вепря и так, что оба подпрыгнули.

– Э... Может, скажешь своему, пусть покурит, а?

– Ага. А бабло ты ему компенсируешь? Дерете тут по три шкуры.

Опер выразительно показал глазами.

– Да не переживай ты. Он в наушниках. И нам – полезно.

Стрелок в свою очередь показал глазами свое. Могли слушать – но близких выстрелов двенадцатого калибра в помещении не могли выдержать ни уши слухачей, ни сама аппаратура.

– Ладно. Короче – дело такое. Скажи всем своим – пусть залягут на дно или из города съ...тс я и не отсвечивают здесь. Из Москвы комиссия, жесть будет. Как только можно будет – я скажу. Но пока – не усугубляй.

– Можно – чего?

– Ну... вернуться. Чего тупишь!?

– А... А я думал – дышать.

Опер покраснел – но стрелок стоял так же невозмутимо.

– Степаныч, ты чего? Мы все под ножом ходим, хоть ты то не усугубляй. Если твои архаровцы в городе шорох наводить будут – всем п...ц, никто не прикроет.

– Нормально. А эти шорох навели? За тех ребят, что на теплоходе – отвечать кто будет?

Опер обреченно посмотрел на стрелка

– На рожон значит, прешь?

– Нет. Правды ищу. Помнишь еще, что это?

Департамент по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом. Это как департамент по отлову кошачьих. Кошек, тигров – неважно. Ежу понятно – что дуть дела на «русских фошиздов», искать крамолу в неосторожных высказываниях – куда проще, чем вести оперативную работу, пресекать террористические группировки, предотвращать террористические

проявления с их исключительной общественной опасностью. Вахи – они того и подорваться при задержании могут и семье отомстить – случаи бывали.

Оба стрелка – и тот, который стрелял и тот, который слушал – состояли как раз на связи у Башлыкова. Были его агентами, призванными освещать радикально – националистическую среду. Башлыков писал отчеты, приглашал на беседы, выписывал предостережения, деньги, предназначенные на оперативные расходы то есть для оплаты агентов забирали себе... в общем все конкретно. Начальство тоже было довольно – никаких диких фашиков с резонансными выходками в городе не было. А то, что ребята стрелять учатся – ничего противозаконного нет, извольте убедиться. И по оперативной работе чисто – вот агентурные дела, вот данные контроля по всем группировкам, вот планы оперативной работы, вот рапорты со справками, вот даже дела возбужденные... и тихо через некоторое время закрытые... все подшито, как положено.

Дела есть, а толка нет. Это типичная картина жизни правоохранительных органов последнего времени. Правда, не всегда это в минус идет.

– Да пошел ты...

– Уже не пойду, Дима. Некуда нам идти, до Волги уже отступили. Если ты все что мог прочапить – прочапил – город нам придется защищать.

– Прочапил? – не понял опер

– Слово есть такое. Русское, народное, степное, хороводное. Мне так бабушка говорила, когда я стакан молока на себя опрокидывал. Или тарелку с кашей. Такие слова знать надо... это корни наши. Иные – не в бровь, а в глаз. Обдал, например – знаешь, кто это? Это дурак и лентяй в одном флаконе. Как думаешь – про кого сейчас я?

Опер какое-то время пыжился что-то сказать. Но так ничего и не сказал – просто махнул рукой, как-то обреченно и тронулся на выход.

– Найдем что – тебе на трубу отзвоню. Беспредела не будет! – крикнул ему в спину стрелок.

Когда опер вышел – стрелок посмотрел на второго стрелка, того, что с коротким Вепрем. Свином – как любовно его называли, этот основной гладкоствольный карабин русских боевых стрелков.

– Ну, что думаешь?

Стрелок снял «уши», наушники. Это были специальные, активные стрелковые наушники для соревнований IPSC – они глушили звуки выстрелов, но давали возможность слышать человеческую речь и любые другие звуки до восьмидесяти децибелов. Опер этого не знал – потому что стрельбой мало интересовался. Его оружием был ноутбук, с его помощью он собирался выявлять и задерживать экстремистов и террористов.

– Обдал и есть – коротко сказал второй стрелок, выше по росту первого, лет тридцати с чем-то – идиот конченный.

– Но идиот полезный, как говорил товарищ Ленин – ладно, доставай. Раз уж приехали – опробуем.

Второй стрелок – из стрелковой сумки достал что-то, напоминающее отрезок трубы, покрашенный черной, жаропрочной краской. Размером он был поменьше автомобильного глушителя, круглый. Впереди – отрезок трубы с выемками, торчащий посередине – как на американских ультракоротких помповых ружьях для выбивания дверей.

Поморщившись – горячо! – он свернул нештатный ДТК со своего короткого Вепря, навернул на это место ту самую трубу. Передал оружие первому. С передней рукояткой, коллиматором Eotech, фонарем и этой трубой на стволе – оружие выглядело по-настоящему угрожающе.

– Что фонарем, что лазером пользоваться нельзя – сразу заметил первый стрелок.

– Ага. Хорошо, что коллиматором можно. Еще патроны нужны нормальные, с твердой дробью а не свинцом, иначе чистить зае... Ну и баланс не самый лучший, привыкнуть надо. Но ты прикинь, как стреляет.

Первый стрелок подошел к рубежу, сделал один за другим восемь выстрелов, опустошив магазин. Каждый из них – был не громче, чем падение большого картонного ящика с чем-то тяжелым, но не твердым на ровный пол метров с двух. Такой хлопок.

– Нормально.

– Почти Кландестайн – двенадцать¹... возможно, даже лучше. Дробью не засоряется там решетка специальная, все продумано. На стандартную резьбу наворачивается запросто, правда, я думаю на будущее что-то вроде замка присобачить, все-таки надежнее. Ну и... чистить эту штуку – вид мазохизма, после интенсивной стрельбы надо разбирать и в тазике отмачивать. Но нормально получилось.

– Сколько у тебя таких.

– Пока три.

Первый стрелок вернул оружие, хлопнул по плечу второго. Тот в группе исполнял роль кого-то вроде оружейника, отлично разбирался в оружии.

– Добро. Почему?

– Восемь.

– Дорого...

– Дешевле не получится. Заказать штук десять – попробую на семь уломать. Все-таки работа серьезная, продуманная, станочная, тут тебе не банка консервная. Сварка в аргоне, точные станки, сам материал. Глушаки никогда дешевле и не стоили.

– Ладно, заказывай. Пока десять.

Второй стрелок кивнул

– Еще Митек звякнул. Пришли патроны. Пять штук.

Конечно, имелось в виду не пять патронов и даже не пять коробок. А пять тысяч патронов двенадцатого калибра, оптом и через своих людей было намного дешевле.

– Почему?

– По четырнадцать.

– Прошлый раз было по двенадцать.

Второй стрелок пожал плечами

– Беду чувствует. И я ее чувую.

– На своих наживается... ладно, хрен с ним. Бери. Я Санька попрошу, он тебя на служебной подбросит. В городе усиление.

– Добро. Что думаешь по этой хрени на пруду?

– А что тут думать. Алмаза надо потряхнуť. Какого хрена он е...м щелкал. Сегодня – завтра и потряхнем.

Алмазом – между собой звали агента в стане противника – а противник был и тут, в Ижевске. Об этом агенте ФСБ не знала, часть информации аккуратно сливали на реализацию, чтобы подкормить Башлыкова. Часть реализовывали сами, когда понимали, что государство тут ничего не сделает. Башлыков в благодарность за подкормку – закрывал глаза на подозрительные стрелковые клубы, на мелкооптовые закупки оружия и боеприпасов, на тренировки на стрельбищах с запрещенными магазинами большой емкости и явной отработкой городских боев.

– Постой... потряхнем. Ты уверен, что он наш?

– В смысле?

¹ Американский мелкосерийный глушитель для ружей двенадцатого калибра.

– Мне этот парень не нравится. Совсем – не нравится. Тебе не кажется, что он сливал нам каких-то конкурентов и мелочевку, чтобы обезопасить ядро. Какого хрена мы – ни слуху, ни духу?

Первый стрелок с сомнением потер подбородок, уже собирая оружие и стрелковые принадлежности в большую сумку.

– Ничего не было за ним. Мы же проверяли. Отец погиб, мало?

– Я ему не верю – отрезал второй – напомнить про Кэмп-Чампан² Там – тоже верили.

– Ладно, решим. Пошли... а то с этого идиота станется... и впрямь нас закроют суток на пятнадцать.

– Или лет на десять по два – восемь – два³ – поддакнул второй стрелок

И оба засмеялись.

Уже садясь в машину, в тихий и жаркий летний ижевский вечер – первый из стрелков озвучил решение

– Надо нанести ответный удар. Ликвидировать все известные нам ячейки. Я этим займусь, подключу людей. Ты – на хозяйстве, до завтра.

– Есть.

Машина – новенький УАЗ – Патриот – тронулась с места.

Приехавшие в город москвичи разместились в гостинице МВД, что чуть выше Сенного рынка во дворах. Так и день прошел. Первый день войны.

² Взрыв в передовом оперативном лагере ЦРУ в провинции Нангархар, Афганистан, под самый конец девятого. Подорвался агент, на которого возлагали большие надежды, погибли семь оперативников ЦРУ в том числе начальник станции.

³ Закроют по 282 – задержат по 282 статье УК РФ, экстремизм.

Российская Федерация, Татарстан. Агрыз, улица Энгельса. Ночь на 26 июля 2015 года

Две машины – черная Приора и следом за ним небольшой, но ходкий Рено Логан – шпарили по ночной трассе «Ижевск-Агрыз», что называется, на все деньги. Темп задавала Приора, водитель был опытным, уверенно держал сто пятьдесят, лишь на поворотах сбрасывая. Логан старался не отставать, хотя движок его все же хуже держал скорость, чем мощный шестнадцатиклапанник Приоры.

В головной машине – сидели четверо, двое – в камуфляже с погонами, двое – просто в камуфляже. Погоны были милицейские. В Логане – трое, двое в камуфляже, один просто в джинсе. Погон не было ни у кого.

По этой трассе – обычно так гоняют, когда опаздывают на поезд, Агрыз входит в десятку крупнейших железнодорожных узлов России, что от Ижевска, что в Ижевск – ехать либо через Агрыз, либо через Балезино. А кто отстал – берет машину и топит на все деньги, благо от Агрыза, до Ижевска – километров сорок, не больше. По этой же самой причине – на трассе пасутся менты, точнее сейчас уже полицейские. Каждый лихач – пару тысяч запросто выложит, особенно если и в самом деле на поезд опаздывает. Но сейчас, ночью – вроде и поезда никакие не шли, ижевский, двадцать пятый скорый, на Москву уходит под вечер, в семнадцать.

Дежурившие у путепровода – есть такой через железнодорожное полотно совсем рядом с Ижевском менты – увидев пронесшиеся машины – врезали мигалку, погнались за ними. Сакраментальное: «Водитель темного Логана, приказываю принять вправо и остановиться – громыхнуло над дорогой.»

Один из пассажиров Логана – выругался, достал сотовый, выбрал номер из памяти

– Отрываемся?

– Тормози. И не рыпайся, щас договоримся.

Обе машины – послушно приняли вправо, полицейский Рено – встал перед ними, перекрыв дорогу.

Один из ментов – вылез из машины, многозначительно поправляя автомат, второй достал из кармана мощный фонарик.

– Чо, самые быстрые? – грубо спросил он водителя головной машины – права, документы на машину.

– Витек, ты чего разошелся? – послышалось насмешливое с заднего сидения – никак взятку хочешь?

Инспектор ГИБДД удивленно замер – имя было названо правильно.

С заднего сидения высадились двое. Один – полноватый, с нездоровым лицом, с погонами капитана полиции. Второй – в камуфляже, выше первого больше, чем на голову, тоже полноватый – но в меру. Обычные расейские мужики, от тридцати до сорока.

– Санек, ты что ли? – инспектор узнал коллегу, правда с воткинской трассы – ты то тут какими судьбами?

– Да вот, опаздываем. Отпусти душу на покаяние.

– На поезд, что ли?

– На него, старлей, на него – сказал второй, доставая что-то из кармана. В Ичкерии и тому подобных местах – за это была бы пальба, но тут пока было тихо. Считалось глубинкой.

Инспектор осветил – оказалось удостоверение сотрудника ФСБ.

– С дороги слетите.

– Не бойсь, старлей, не слетим.

Тот, кого называли Саньком – сунулся в салон, достал плоский шкалик, протянул коллеге

- Держи!
- Подарил кто? – спросил ГИБДДшник, осветив бутылку. Оказалось – коньяк, армянский
- Не прокиснет от этого, верно?
- Старлей принял бутылку
- Верно. Не гоните так...

* * *

Когда машины тронулись – сидевший за рулем здоровяк с характерно-кавказской внешностью – облегченно выдохнул

- Не спится им...
- Люди работу делают... – сказал ФСБшник – давай, погнались...

* * *

Если хотите попасть в Агрыз из Ижевска на машине – выезжайте на казанскую трассу, с нее уходите налево, там пути видны будут. Сразу попадаете на Карла Маркса. Проезжаете путепровод – и с него на Вокзальную. Вокзал стоит как бы на склоне холма, пути сверху – это пассажирский. А если на товарную станцию хотите попасть, тут так сразу и не скажешь, хозяйство тут обширное...

Машины – свернули на Энгельса, прокатились по ней, подкатили к небольшому, но аккуратному татарскому особнячку, это тебе не русская изба – кирпич и сто пятьдесят метров. Кавказец – остался за рулем, еще один кавказец – ниже ростом, крепкий и бывший ФСБшник которого звали Скворец – вышли из машины. Скворец забарабанил в ворота, на дворе взвыла собака...

Хозяин вышел не просто так – с фонарем и с ружьем. Сайга-12, складной приклад, восемь патронов с картечью в магазине, как дашь – так и в ключья. Ижевск был рядом, Вятские Поляны – дальше по ходу. Кто поумнее – давно в доме держал, двери стальные поставил, решетки – не возьмешь...

- Салам, Рамиль – спокойно сказал Скворец – ружье убери.
- Надо чего? – сипло спросил хозяин дома, ногой отпихивая беснующегося пса
- Побазарить. Нелегальные точки в городе есть?
- Да как сказать...
- Как есть. Мне твою расписочку показать?

Татарин пожал плечами

– Нехорошо себя ведешь, Рамиль. Я твоего сына отмазал, в армию отправил – пусть Родине служит, а не дурью занимается. А ты юлишь. Думаешь, если эта твоя расписочка всплывет – тебе здесь жить дадут? Тот же Алхасов – думаешь, я не владею обстановкой, не знаю что у него сын в банде давно...

Рамиль – так звали хозяина – тяжело вздохнул

– Злой ты, бабай. Недобрый.

– Какой есть. Надо бы вас заставить г...о убирать, да ладно, мы, русские, сделаем...

У ворот – оставшиеся у машин люди сноровисто доставали из багажников и заряжали штурмовые дробовики. Автомат был всего один, боевых пистолетов – три, зато штурмаков двенадцатого калибра – на каждого и еще две снайперские винтовки – Тигр и Моссберг-100. Тигр был необычным – минутным, отобранным, от Смоллета⁴. Наличие охотничьего билета,

⁴ Реально существующий персонаж, участник форума guns.ru, владелец марки Застава. Продает отобранные Сайги, Тигры с гарантированной кучностью, товар дорогой, но с прекрасным качеством и точностью. Еще продает снаряжение высокого

штурмового дробовика двенадцатого калибра и ста патронов к нему – входило в число обязательных требований для кандидата в Союз Русского Народа, филиала Союза Ветеранов – организации, признанной экстремистской. Самое смешное, что среди приехавших в этот ночной час в Агрыз был полный интернационал: двое русских, двое татар, двое удмуртов и один башкир. Но в организации – это никого не интересовало...

* * *

Примерно в это же самое время член Единой России, депутат Госсовета Татарстана, глава администрации Агрызского района Джафер Алхасов – лежал на полу своего трехэтажного особняка и с ужасом наблюдал за своим младшим сыном Али – от третьей жены – который в нескольких метрах от него, на обеденном столе – присоединял детонатор к ста двадцати двух миллиметровому снаряду. На боку Али – висел самодельный пистолет-пулемет на ремне, от усердия он прикусил язык – и депутат видел, что его сын абсолютно счастлив. То, что его отец связан и валяется на полу – его никоим образом не волновало...

Как это бывает? А вот так и бывает... Регионы играли в смертельно опасную игру с Центром, и никого за это не наказали – хотя пара пожизненных быстро привела бы ошалевших от безнаказанности сепаратистов в чувство. В Чечне еще спокойно было, тут главный Рамзан – а вот в других местах... Тот же Татарстан – чиновники, которых было за что наказывать, бизнесмены, ненавидящие власть – все они тайно поддерживали ваххабитов. В русскоязычных и русских регионах – выходили на митинги и демонстрации против Единой России, а в мусульманских регионах – в качестве протеста давали деньги ваххабитам. Большие деньги! Кто-то задумывается – как же так могло быть, что до семнадцатого года русские капиталисты, владельцы заводов, газет, пароходов – отстегивали большевикам, которые призывали у всех все отобрать и поделить все поровну. А вот так и было! Ненавидели власть – да так, что даже большевики не казались слишком уж плохими. Да и никто, раскачивая лодку, не думал, что она перевернется...

Так и Джафер Алхасов, уже купивший многоквартирный доходный дом в Берлине, накопивший несколько сот тысяч долларов на номерных счетах и с замиранием сердца ждавший того дня, когда он сможет покинуть ненавистную быдлорашку – упустил своего младшего сына. Тот – собирался остаться в Рашке до тех пор, пока не воссияет над бескрайними русскими просторами – совершенство таухида⁵. А потом – можно будет и на Берлин идти... если там раньше не воссияет.

* * *

– Али! – воззвал в который раз отец к благоразумию сына – ты же сейчас взорвешь весь дом! Айгуль дома, тебе ее не жалко?

– Тот, кто выйдет на пути Джихада, упадет с коня и сломает себе шею, тот шахид, и тот, кто умрет от болезни тоже шахид – с пугающей уверенностью в голосе ответил сын – я готов предстать перед Аллахом и мне есть, что сказать ему. А ты боишься, потому что тебе сказать нечего...

– Какой Аллах, о чем ты? Ты что, собираешься взорвать вокзал? Сколько тебе говорил Али-хазрат⁶, кто убил одного человека, тот убил всех людей! Разве не это сказано в Коране?

качества. Минутный Тигр – винтовка, укладываемая по кучности в 1МОА то есть разброс 29 мм на сто метров. Это очень высокий показатель, у обычного магазинного Тигра он хуже в два, если не в три раза.

⁵ Единобожия, веры в Аллаха.

⁶ Приставка «-хазрат» указывает на то, что человек о котором идет речь, является муллой и живет при мечети.

– Али-хазрат – муртад и мунафик. Когда мы его убьем – он предстанет перед Аллахом и Всевышний обрадует его мучительным наказанием.

– Ты что говоришь, опомнись! Ты собрался убивать людей?! Ты собрался убить Али-хазрата, которого уважает весь город? Ты знаешь, что после этого нам будут все плевать вслед!?

– Этот твой хазрат ест свинину, дает деньги в рост и не расходует на пути Аллаха – зато выстроил себе дом не хуже этого! Он построил себе дом на деньги закята, деньги, которые должны были пойти на помощь моджахедам и их семьям!

Отец замычал от бессильного горя – он понял, что говорит с чужим человеком.

– Это все неправда. Он помогает наркоманам, нуждающимся, у него для каждого есть доброе слово! И для тебя тоже?

– Доброе слово?! – сын оставил фугас, над которым он колдовал – ты говоришь, доброе слово? Да, оно сильно поможет тем, кто томится в застенках! Кого убивают русисты, к кому врываются в дома, насилуют женщин и уводят детей только за то, что они уверовали в Аллаха, Великого, Хвалимого!

Сын произнес фразу на незнакомом языке, которую отец не понял.

– Опомнись. Именем абики⁷ Фатимы, она тебя вырастила, опомнись!

В обеденную залу – зашел еще один человек, коренастый, плохо одетый, лет сорока, заросший щетиной. Бросил презрительный взгляд на лежащего на полу главу администрации

– Заканчивай. Времени мало.

– Да, амир...

Амир ушел.

– Ты слушаешь какого-то оборванца, от которого воняет, но не слушаешь родного отца! – в который раз попытался отец – не жалеешь мать, не жалеешь сестру! Подумай, как твой брат сможет жить в Москве, если скажут, что ты – ваххабит! Ты сломаешь жизнь и ему тоже!

Сын оставил в покое бомбу, подошел ближе к отцу

– Что ты, что мой старший брат – мунафики, потому ты мне не отец, а Султан – не брат! Вы все – гребете под себя и ничем не делитесь с ближними, не расходуете на пути Аллаха! Помнишь, как ты считал свой закят – сколько дать, чтобы не выглядело мало, но при этом сэкономить?! Интересно – а какой закят полагается выплачивать с взятки, которые ты берешь?

– Я брал деньги для того, чтобы вы жили хорошо! Ты мой сын!

– Я уже живу хорошо. Мне ничего не страшно, потому что Аллах – заботится о тех, кто идет по пути джихада. Мои уста и мои помыслы – не осквернены ложью, как у тебя, и меня – ждет рай, а тебя – огонь, когда бы ты не умер. Эти люди – мне братья, потому что они, как и я – идут по пути джихада. Когда мы победим – не останется ни лжи, ни горя, ни унижения, ни распри, все примут ислам и будут бояться одного лишь Аллаха и наказания Его. Амир – стал мне как отец, он объяснил мне, как должен жить настоящий мужчина. Но ты – этого не поймешь. Аллах Акбар!

И с этими словами – сын вернулся к проводам и бомбе...

* * *

Черная Приора – остановилась в самом начале небольшой улочки, где были только богатые дома, невидимые из-за высоких заборов красного кирпича. Фары машины не горели...

– Ильгиз, Слава идите, проверьте... – сказал Скворец – Дима, прикрой их...

Сам Скворец уже надел разгрузку с длинными, толстыми магазинами и вооружился Вепрем-12 с коллиматорным прицелом ЕОТЕСН, передней рукояткой, лазерным прицелом и фонарем. Такое оружие – стоило под сотку, но оно того стоило...

⁷ Бабушки (татарск).

Дима – выбрался из машины, занял позицию, положив на крышу машины винтовку Тигр с незаконным ночным прицелом...

– На улице чисто.

Ильгиз, закинув на плечо свою Сайгу – резко потрусил вдоль заборов, отыскивая нужный. Слава – побежал за ним.

* * *

Во дворе роскошного особняка главы администрации, куда не посмеет сунуться ни один полицейский – стоял полноприводный, высоко сидящий над дорогой КамАЗ. Машина эта – была путевой, и ее должны были пропустить на товарную станцию. Боевики носили заранее подготовленные заряды и клали их в кузов. Поскольку – снарядов было только три, их недостаток восполнили удобрениями, залитыми дизельным топливом. Еще у них было два десятка заправленных газовых баллонов.

Боевики выбивались из сил, торопились – нужно было грузить в кузов большие бочки с заранее приготовленной адской смесью, подсоединять провода. Никто и не заметил – мелькнувшее над забором лицо...

* * *

Слава, маленький, но крепкий башкир с русским именем – встал спиной к забору. Ружье впереди на ремне, руки сцеплены в замок – первая и вторая ступеньки. Третья – плечи Славы. Он забрался наверх, глянул – и тут же спрыгнул обратно.

– Чего там...

– Пошли.

Они отбежали в темноту, Ильгиз достал сотовый телефон

– В адресе духи, рыл десять. У двоих калаш.

– Уверен?

– Сам видел. Грузят КамАЗ.

– Чем?

– Бочками. Большими...

Командир их четверки помолчал, прикидывая варианты. КамАЗ, вооруженные автоматами люди и бочки – весьма скверное сочетание...

– Может, ментам слить?

Как же... Как-то раз слили – ублюдки через месяц на свободе были, вся диаспора впряглась. Если будет русское государство – надо будет все диаспоры объявлять вне закона.

– Нет. Ты боезапас взял?

– Да.

– А Слава?

– Тоже.

– Занимайте позиции. По левой стороне улицы. Как будут выезжать... закроются двери, валите в глухую. Без предупреждения...

– Понял.

– По тенту не стрелять. Только в крайнем случае.

– Понял.

* * *

– Аллах акбар, братья. Настало время показать русистам, кто здесь хозяева. Русисты несколько веков назад отняли эти земли, всегда принадлежащие правоверным. Настало время вернуть то, что принадлежало нам всегда по праву!

– Аллах акбар!

Амиром агрызского джамаата был человек по имени Абдулла. Невысокий, но крепкий, по виду опустившийся, пропахший перегаром – но это только для того, чтобы не выследили русисты, состоящие на собачьей службе⁸. Но за ним было прошлое – во второй чеченской войне он воевал на стороне боевиков, после войны – был завербован ДШБ⁹ и отправлен обратно, в Россию. Он вернулся уже не в свой город – а в Агрыз, устроился там путевым рабочим. Ему сказали, чтобы он осматривался по сторонам, подбирал верных людей и был готов парализовать железнодорожное движение в этой части страны...

– Говори, Курбан.

– В два – пятнадцать пройдет грузовой состав – начал говорить Курбан, он тоже работал на станции – это воинский эшелон, там груз боеприпасов, он идет под охраной. Охрана – в отдельном, прицепном вагоне, по ночам они все спят, я это видел и не раз. Я знаю, как перевести этот поезд на пути, ведущие в Камбарку, они почти заброшены, но в порядке. Если довести этот состав до Камбарки и там взорвать – русисты узнают, что такое смерть.

В Камбарке – был завод по уничтожению химического оружия. Оно до сих пор – было уничтожено не полностью.

– Можно еще довести этот состав до Казани или повернуть на Ижевск...

– На Ижевск не надо, брат... – сказал еще один ваххабит – там вся железная дорога идет далеко от высотных домов, где бы мы его не взорвали – толку будет мало. А вот в Казани – вокзал прямо в центре города, если там, на вокзале взорвать этот поезд...

То погибнут тысячи людей. Но ваххабиты – этого и хотели...

– Решим по ситуации. Может взорвать и здесь, но если получится – пойдем на Казань. Казань – давно отложила от движения, там живут люди, которым свое имущество и свои прибыли – дороже Аллаха. А Аллах не ведает народа распутного! Аллаху Акбар!

– Аллаху Акбар!

* * *

Сын – вывел из подземного гаража машину отца. Тойота Ланд Круизер, практически стандарт для главы администрации в сельских районах необъятной России, и комфорт как в лимузине, и проходимость почти как у танка. Если даже на станции не знают машину главы администрации – все равно пропустят, не захотят связываться. Пройдет и КамАЗ.

Семеро боевиков набились в Тойоту – в ней было как раз семь мест, пять и два в багажнике. Остальные двое – сели в просторную кабину КамАЗа, еще один должен был открыть дверь, потом закрыть ее и тоже ехать в КамАЗе.

– Аллах с нами... – внушительно сказал один из братьев в Тойоте – Аллах всегда с теми, кто идет по пути джихада...

Али Алхасов – тронул машину с места, одними губами произнося молитву.

⁸ Работа в милиции и ФСБ считается у боевиков «собачьей службой».

⁹ Департамент шариатской безопасности.

Они выехали на улицу – темную, плохо освещенную, остановились, ожидая КамАЗ. КамАЗ вышел вторым, колонна остановилась, чтобы один из террористов мог закрыть ворота – не дело оставлять их открытыми. Тридцать лет назад – обязательно нашелся бы кто-нибудь, кто заинтересовался бы, а зачем со двора главы администрации района отъезжает КамАЗ, и еще ночью. Но сейчас – людей накрепко отучили вмешиваться в чужие дела...

Двери закрылись. Невидимый невооруженным глазом, но отчетливо видимый в ночной прицел лазерный луч уперся в грудь сидевшего за рулем Тойота Али Алхасова.

– Готов! – шепотом сказал снайпер группы в гарнитуру сотового.

– Огонь!

* * *

Винтовочная пуля ударила в лобовое стекло Тойоты, за счет этого препятствия изменив траекторию, как это часто и бывает при стрельбе через стекло, тем более такое прочное, как лобовое стекло машины. Уйдя вправо и чуть вверх, она поразила водителя не по центру груди, как рассчитывал снайпер – а в плечо, не задев кость.

Ранение было болезненным. Али вскрикнул и инстинктивно нажал на газ. Машина – резко прыгнула вперед, буквально с ходу набрав скорость...

Вставший на колено Скворец открыл огонь по надвигающейся на него темной массе и в этот же момент, выстрелил второй раз снайпер. Второй снайперский выстрел был более точным, убив сидевшего за рулем Алхасова наповал. Град свинцовой картечи – обрушился на салон Тойоты – современный полуавтоматический дробовик в опытных руках позволяет делать два выстрела в секунду. Все боевики в салоне – за несколько секунд были убиты или ранены, не успев ничего сделать.

Один из боевиков – открыв дверь, вывалился из салона и тут же упал на дорогу, сбитый выстрелом снайпера...

Машина катилась по дороге, останавливаясь. Скворец сменил магазин – и снова открыл огонь по машине...

Все просто – так до смешного просто, что даже непонятно, о чем это таком писали русские, да и не русские великие писатели. Убил человека, потом мучаешься всю жизнь. Долго думал – убивать – не убивать. Мучился выбором...

Бред какой.

Темная ночь, редкие, висящие во тьме яркими шарами фонари. Привычная тяжесть оружия в руках, такое... какое-то странное чувство перед боем. Тянувшее такое, адреналина нет никакого, только беспокойство и хочется, чтобы все кончилось побыстрее. Чтобы – или пан или пропал. Тоскующее какое-то чувство...

Потом – моментальный взрыв. Передняя рука на капоте, оружие тяжелое. Красный кружок прицела ложится на темные тени машин, на играющие бликами от фонарей стекла. Спуск проваливается под пальцем – как на стрельбище, только цели тут – живые. Ружье бухает в руках – тяжелое, отдачу гасит хорошо, прицельная марка дергается. Стреляешь, почти ничего не видя, только черная марка прицела, мечущиеся тени и вспышки от выстрелов из ствола. Стреляешь с максимальной скоростью – только бы не дать опомниться и открыть ответный огонь. Два калаша – посекут только так. Как обычно и бывает – магазин заканчивается внезапно, это на стрельбище считаешь, тут адреналин бурлит, в голове салюты бабахают – двенадцатый калибр, как-никак. Забываешь спрятаться за машину, ругаясь, срывая ногти, вытаскиваешь из разгрузки толстый, изогнутый коробчатый магазин, наполненный ждущей своего часа смертью. Вталкиваешь его в ружье взамен расстрелянного – поставленный на задержку затвор срывается вперед, досылая первый патрон в ствол. Снова стреляешь – уже расчетливо,

на добивание. Вон, например, дверца полуоткрытая и стекло не выбито – может, кто там живой остался. Бах, бах! – летит стекло, рваные дыры на металле – порядок.

Снова перезаряжаешь, поднимаешься из-за укрытия. Теперь уже и командовать можно, и прикрывать друг друга – а в бою хрен, это только профессионалы в бою десять дел могут делать, и сами стреляют, и бойцами командуют. А сам если на кабинетной работе засиделся, пистоль в сейфе держишь...

А тут – крепкий коктейль эмоций и ощущений, Modern Warfare 2 в сочетании со стрельбищем нацгвардии в нескольких километрах от Ижевска, куда пускают пострелять, если нацгвардейцы не занимаются...

И самое главное – нет ничего в душе. Ни раскаяния, ничего из того, о чем говорят великие писатели. Ни сожаления по поводу прерванных тобой жизней. Просто – какая-то щенячья радость от того, что сегодня – ты, а не тебя. Еще какое-то ликование – наверное, победное, о как мы вас! И удовлетворение от хорошо сделанной работы.

Чего там...Андерс Беринг Бревик – форева!

* * *

В это же самое время – Слава и Ильгиз выпустили восемнадцать снаряженных крупной картечью зарядов по кабине КамАЗа и по боевику, закрывавшему дверь. Остаться после этого в живых – было невозможно...

Перезарядив свое оружие, Слава сунулся в кабину КамАЗа. Отчетливо пахло бойней. Он выстрелил еще раз – на всякий случай, ему показалось, что водитель жив. Потом – увидел у навалившегося на руль водителя заткнутый за пояс пистолет и забрал его.

Ильгиз – подсвечивая фонарем, сунулся в кузов. Бочки, закрытые какой-то мешковиной. Он сдвинул мешковину с края – и увидел тракторный аккумулятор, стоящий на полу и идущие от него к бочкам провода.

С..и

Подбежал Слава.

– Все тип-топ. Вглухую. Ни хрена себе...

– Сказал я себе. Валим.

Черная Приора тронулась с места, когда уже были слышны вдалеке милицейские сирены. Боевики Союза Русского Народа стали беднее на сорок два картечных и три винтовочных патрона – и богаче на трофейный ТТ и два автомата Калашникова. И несколько тысяч, возможно – несколько десятков тысяч спасенных человеческих жизней. Если бы они попытались остановить КамАЗ, как это сделала бы полиция – скорее всего, погибли бы люди. А если бы – кто-то из ваххабитов решил стать шахидом и подорвать машину-бомбу на месте – погибло бы очень много людей. Решение этой проблемы было только одно – как можно больше пуль и как можно быстрее. Конечно – им просто повезло, четверем людям, которым было не наплевать на Россию. Но везет – всегда тем, кто действует.

* * *

Белый с синим УАЗ-Патриот остановился в самом начале улицы, луч фары – искателя – мазнул по улице...

Сержант полиции – старший автомобильного патруля – снял из держателя рацию.

– Центральная, я пятый. Подтверждается, две поврежденные машины, следы перестрелки. Один труп.

Трупов было десять. Но пока этого не было видно.

- Пятый, я Центральная. Перестрелка все еще идет?
- Центральная, отрицательно. Перестрелки нет.
- Пятый, приступайте к осмотру. Я направляю тревожную группу.
- Понял.

В «помогайке» патрульной машине – было, как и положено, три человека: полицейский-водитель, старший патруля в звании лейтенанта или старшего лейтенанта и просто патрульный. На всех троих – был один автомат, но лучше бы не было – стрелять из него ни один толком не умел. Еще – у них были пистолеты, новенькие Грачи – но двое из троих сдали зачет по стрельбе за бутылку водки...

Еще на троих было два фонаря – один из патрульных забыл фонарь дома, еще один был сломан.

Милиционер – водитель выбрался наружу, передернул затвор автомата

– Может, подождем, пока группа прибудет? Затопчем улики еще... – сказал лейтенант, тщательно скрывая страх.

– Ничего не затопчем. Пошли. Халиков, возьми фонарь, осмотри джип.

Халиков, молодой сельский парень, который пошел в милицию чтобы закрепиться в городе – держа в одной руке пистолет, в другой фонарь – подошел к внедорожнику, осветил в салон. Там было такое, что он едва не выронил оружие. На осколках стекла, на капоте, в салоне – всюду была кровь. И трупы – в машине была куча трупов в самом прямом смысле этого слова.

– Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант, тут...

Лейтенант подбежал от машины, где он стоял и «слушал эфир»

– Аллах всемогущий...

Сержант, полицейский-водитель в это время – держа автомат наизготовку – подошел к кабине КамАЗа. Со стороны водителя дверь – настежь, за рулем – труп, кровь аж на землю капает со ступеньки кабины. Он осветил дальше и обнаружил, что у ворот особняка – еще один труп, лежит навзничь. Кровь в свете фонаря – была почти черной.

– А... шайтан...

Сержант начал осторожно обходить КамАЗ, подошел к нему сзади, со стороны кормы. Полог был откинут, он осветил туда фонарем – вроде ничего нет. Поднялся, придерживаясь рукой на борт, осветил и...

В первый раз в жизни понял, что значит выражение «превратился в соляной столб».

– Е... твою мать...

Как только сержант обрел дар речи, причем почему то русской, а не татарской – он бросился бежать от этой страшной машины.

– Что там? – лейтенант испугался не на шутку – еще трупы?

– Хуже. Какие-то провода и бочки, полный кузов. Вызывай саперов, и давай за угол отъедем. А то ща как рванет!

Лейтенант побелел как мел.

* * *

В это же время – Рено Логан остановился за углом небольшого пятиэтажного дома в новом районе – тут были приличные, кирпичные дома. Совсем недавно построенные, с большими квартирами, два балкона на квартиру. Богато жили в Татарстане, богато даже в таких городишках, как Агрыз.

Три человека вылезли из машины. Сноровисто разобрали снаряжение. Почти новая Бенелли М4, Сайга, МР-156 с тактическим варианте со складным прикладом. Травматические и один настоящий, милицейский ПМ. За травматiku сейчас гоняли, патронов было не купить – но кому надо, у того все что надо было...

– Ну, где?

– Четвертый этаж. Квартира слева, одиннадцатая... – обреченно сказал татарин – информатор

Один из боевиков – сноровисто пристегнул его к ручке двери машины изнутри. Вынул ключ из замка зажигания.

– Здесь посиди.

Бегом, придерживая оружие – бросились к первому подъезду. Путь им – преградила стальная дверь с кодовым замком, ночью ждать пока кто откроет – можно до второго пришествия.

Один из боевиков – отошел, посмотрел вверх. Крыша над подъездом, выше – стекло.

– Подсади...

Самый здоровый из них – посадил Генку, маленького и юркого удмурта на крышу. Тот немного повозился там. Снизу услышали, как звякнуло разбитое стекло, потом – сыграла нехитрую мелодию, открываясь, дверь.

– Двигаемся!

Поднялись вверх, раскатали черные шапочки-гондонки, превратившиеся в маски. Сняли с предохранителей оружие.

Дверь – стальная, с глазком. Просто так не вскроешь, солидно сделано. Такие – сейчас обычно на точках стоят, где наркоту продают, просто так не сшибешь. Этаж – тоже нехороший. Если бы пятый – сверху бы, на балкон спустились, второй – с крыши подъезда по газовой трубе перескочили бы...

А тут – четвертый...

Один из боевиков показал на ружье.

– А если адрес левый, татарин соврал? Прикидываешь?

Да уж...

Решили – внаглую. Один из бойцов – нахлобучил свою полицейскую фуражку, достал удостоверение. Глазок вроде как примитивный. А сталь – она не только с одной стороны защищает, с двух.

– Встань правее...

Постучали в дверь. Еще раз. Сначала ничего не было, потом – послышалось какое-то шевеление. Секунда за секундой – летели как безнадежно опаздывающий поезд...

– Откройте, полиция!

Бах!

Стеклянный глазок взорвался изнутри стеклянными брызгами, в квартире – глухо громынуло

– С. а!

Один из бойцов, самый опытный, раньше служивший в ОМОНе – дернул на себя «полицейского», вскинул Бенелли, выстрелил по замку.

Нет!

Новый выстрел – грохот закладывает уши, пахнет горелым порохом и раскаленным металлом. На месте замка и чуть повыше, где, по мнению ОМОНовца может быть защелка засова – рваные дыры...

– Есть!

В квартире оглушительно жахнуло, дверь рвануло из рук от удара дробы с близкого расстояния. ОМОНовец – просунул ствол в дверь, несколько раз нажал на спуск, посылая в квартиру картечь заряд за зарядом. Обернулся, вырвал у стоящего за ним полицейского МР-153, сунул ему Бенелли. Патроны одни и те же, перезарядит.

Толкнул стволом искалеченную дверь, на всякий случай шарахнул еще пару раз, заглянул. На полу – кто-то лежит и явнодохлый – не успел спрятаться, сразу под ружье и попал. Больше никого нет – только пороховой дым и искалеченные картечью внутренние двери.

И все это – освещает горящая под потолком в светильнике лампочка – она не разбилась.

– Ложись, работает ОМОН! – выкрикнул он, шарахнул еще раз из ружья вдоль коридора, заскочил в квартиру. На ружье был фонарь, хоть какое-то подспорье. Четыре шага, коридор дальше разветвляется – ход на кухню, тут же – туалет и ванная. Следом – громко топая ворвались еще двое, он тормознул полицейского, отправил его направо...

– Проверь!

С ружьем проверить – самое то, но единственный боевой пистолет – у него. Ничего, проверит...

Из-за двери впереди бахнуло – и ОМОНовец ответил двумя снопами картечи. Не чувствуя боли – бросился вперед, саданул стволом ружья по остаткам стекла в двери.

Луч подствольного фонаря – в одно мгновение высветил женщину, темноволосую, одетую как обычная пассажирка. Глаза ее сверкали дикой ненавистью, в руке – сумка, в другой – ничего. Кто стрелял – он так и не понял.

Шахидка!

ОМОНовец выстрелил – и в этот момент, все взорвалось. Стена пламени рванулась на улицу, плеснула через окна, на балкон, одновременно по всей площади – лопнуло, разлетелось на мелкие части остекление. Потом – не выдержав, рухнуло перекрытие...

* * *

На небольшую улицу, где строилась местная элита – приехала прокуратура, потом – еще люди. Воскресение – поднимали кого могли и как могли, кого и не нашли. Один из милиционеров – оказался ветераном Чечни, он поднялся в кузов и сбросил клеммы со стоящего в кузове аккумулятора – чтобы лишить взрывное устройство питания. Из Ижевска – ближе – вызвали отряд спецназа ФСБ и саперов, позвонили в Казань – те тоже обещали прислать отряд специального назначения полиции. Начали эвакуацию жителей по всей улице. Было известно о том, что ночью в городе произошла еще одна перестрелка, взорвался жилой дом, есть погибшие.

Сообщили в Москву – но там это сообщение никого не удивило. На Кавказе началась война, рассматривался вопрос о введении на всей территории страны режима чрезвычайного положения.

Уже когда рассвело – две одинаковые черные Тойоты привезли несколько человек из Казани – в том числе старшего следователя по особо важным делам Прокуратуры РТ Абыла Мингазова – он входил в состав специальной группы, охотник за ваххабитами. Человек непостоянной судьбы – младшего сына упустил, втянули в организацию, отправился на Северный Кавказ и там погиб под ударом беспилотника. Теперь – Мингазов слыл беспощадным охотником за ваххабитами, жил на территории воинской части, по слухам – одного из задержанных эмиров забил до смерти на допросе. Хотя – с виду обычный мужик, среднего роста, интеллигентный. Только седины много.

Мингазов – прошелся по уже оцепленной территории, своим неспешным, несуетным следовательским взглядом выхватывая детали. Вот тут – кучка гильз от дробовика и вон там – еще одна. Били из полуавтоматов, Сайга или Вепрь, гильзы светло-серые, почти прозрачные – тоже ижевские. Судя по количеству и расположению – били с засады, заранее заняв позиции – и скорее всего, гости были с Ижевска. Там оружия полно, в том числе и нелегального, полно и русских – республика национальная, но удмурты на третьем месте по численности, а русских и вовсе – большинство. Да, гости оттуда были...

Машина – ЛандКруизер, двери открыты, изрешечена и разбита картечью, считай, в хлам. Ее прикрыли простынями, чтобы не было видно месиво в салоне – а то журналистов понабежало, одного с соседней крыши сняли – в погоне за сенсационным кадром туда забрался. Как ищейки, честное слово, эту бы энергию да в полезных целях...

Навстречу попался местный следак, он куда раньше приехал. Мингазов – углядел листы протокола на доске с зажимом сверху – удобная вещь, раньше на капоте писали, а то – и на спине ближайшего милиционера.

– Описали? – кивнул он на машину

– Да, Абыл Рамилевич, описали.

– Тогда увозите, нечего тут...

Уже пахло. В некоторых местах – на простынях проступала побуревшая кровь. Вахи говорят, что тот, кто умер как шахид – после смерти не воняет. Вот их бы сюда привести – и носом во все в это ткнуть.

Мингазов пошел дальше, подошел к машине взрывотехников – черный, купленный к Универсиаде, с высокой крышей Фольксваген. У него стояли полицейские чины, двое помогали взрывотехнику освободиться от своего костюма, который весил больше пятидесяти килограммов. В машине был и робот – только как его в кузов КамАЗа закинешь?

– Что там?

– Полный кузов. Бочки с самодельной взрывчатой смесью на основе удобрений. Газовые баллоны. Может и еще что, мы в сам кузов не лезли, только просветили и убрали иницирующую сеть. Надо сейчас армейских, пусть все это вывозят на полигон и взрывают.

– Машину нужно оставить, ей эксперты займутся.

Все посмотрели на взрывотехника, тот кивнул

– Можно

– Большая мощность?

– В Казани слышали бы... – сказал взрывотехник, нервно затягиваясь поднесенной сигаретой – не меньше тонны в тротиловом эквиваленте, а скорее всего – полторы. Seriously поработали.

Уж куда серьезнее...

Подошел местный начальник милиции... тьфу, полиции, все никак это слово не приживалось. Кивнул. отошли, поздоровались...

– Что? – спросил Мингазов

Начальник полиции, помятый, с короткими, жесткими усами – недовольно покачал головой

– Башку снесут в Казани за такое...

Казани – здесь боялись больше, чем Москвы, намного больше. Москва – в дела этой большой и благополучной, полунезависимой республики – почти не лезла.

– Не снесут. Телевизор смотрел?

– Какое там...

– А посмотри. Сейчас такое делается...

– Что?

Про то, что рвануло в Чечне – уже знали и не представляли, что может быть еще хуже.

– Посмотришь, узнаешь. Опознали?

– Да... – полковник полиции замаялся – один из этих... сын главы местной администрации... младший. Он домой вахов привел, сестру младшую в комнате запер, отца связали. Прямо там, в доме бомбу собирали.

Мингазов ничего не прокомментировал. Это все – было хорошо знакомо. В оперативные действия он тоже не вмешивался, это дело оперов. Только в фильме – следак по месту происшествия как ищейка лазает, улики ищет. В реальности – отыскание и закрепление улик это дело

криминалистов, оперативные действия – дело УГРО. Следователь – тут только затем, чтобы лично ознакомиться с местом происшествия, чтобы потом эффективнее вести следствие по делу, эффективнее вести допросы. Есть следователи, которые ж... от кресла оторвать боятся... ну так халтурщиков везде полным-полно.

– Убили?

– Да, в машине лежит. Я опознал.

– Я про главу администрации.

– А... этого нет. Дома сидит, развязали. Врач у него.

Мингазов – достал небольшую стальную капсулу, бросил на язык таблетку, немного подождал. Отпустило. Полковник Халиков с сочувствием следил за следаком – он хорошо понимал его чувства. Их мир... патриархальный, который и после падения СССР оставался – разваливался на глазах. В Татарстане, где почитание старших более выражено, чем в остальной России – до недавнего времени просто невозможно было себе представить, что сын привел в дом бандитов и связал отца. А теперь – это было. Они – их дети – в какой-то момент становились как чужие...

– Соседи навестили?

– Наверное... – Халиков неодобрительно покачал головой – вы еще на втором месте не были, видно, объединять придется...

– Что там?

– Трое, с ружьями – взяли штурмом квартиру, вышибли дверь. Взрыв. Часть фасада обвалилась, уже семь трупов нашли, работают дальше. Там, за углом у дома – тачка, Логан, новая почти. Удмуртские номера, таксишка. Пустая, только сзади – ручка вырвана.

– Информатора везли... – понимающе кивнул Мингазов

Если так – то все и понятно. Получили информацию, в милицию... полицию не слили, отправились самостоятельно на реализацию. Скорее всего – в группе были бывшие, а то и действующие сотрудники полиции. В одном месте – сработали чисто... то ли повезло, то ли каким-то образом – заранее узнали. Сели в засаду и расстреляли из всех стволов, как в Чечне. В другом случае – один из вахов активировал детонатор и погибли на месте. Такси – одна из крыш Союза Русского Народа, этой крышей практически все пользуются. И заработок для своих неплохой, и слежку вести можно незаметно и мобильны все, чуть что – все в одно место разом подскочат. В некоторых местах – таксистские информационные службы – тоже работали на Союз, фактически это была параллельная система координации и связи, ничем не хуже полицейской. Теперь – кому бы не принадлежала эта машина – ему ничего не предъявить. Такси – оно такси и есть, разных людей возит. Посулили водиле денег – отвези в Агрыз. Он и поехал. Хозяин не в ответе, водила если что – запросто скажет, что угнали, я не я и лошадь не моя. И попробуй кому чего предъяви...

А если в целом брать, по большому – то к большой крови идем. Когда то давно Мингазов – закончил исторический, это потом он в следствие пошел – и он все хорошо-хорошо понимал... Когда был татарский национализм, это не так было страшно. Даже когда был чеченский национализм – это не так было страшно. А вот русский национализм – это страшно, это – отрезание всех путей назад. Русские всегда были имперским народом, на них, как на цементе – строилось здание сначала как Империя, потом как Союз. Сами русские – жертвовали ради империи, а мелкие народы – могли себе позволить... на том все и держалось. А теперь – не получается так, русские вместо старших братьев – стали убийцами. Они не относятся к младшим со снисходительностью большого, они теперь пытаются и расстреливают. Из фактора стабильности, из решения проблемы – они сами превратились в проблему. И это – путь либо к гражданской войне, либо к геноциду.

И в том, что происходит – виноваты они. В Чечне русских резали как свиней, здесь, в Казани – их просто втихую считали свиньями и объединялись против каждого русского малень-

кими, сплоченными группками... не бить и резать, но чтобы всегда помочь своему. И русский терпел – терпел, но потом решил – а какого это хрена? Почему это я – свинья? Вот и получилось, что и у татар, и у чеченцев – кровь такая же красная, и умирают они – точно так же, как и русские.

Империи не будет, если никто не захочет жертвовать за Империю. Сначала – этот крест несли русские, теперь никто не несет. Вот это вот все покажут по телевизору – и будет Югославия. Гражданская война и несколько окровавленных кусков когда-то единой страны – в конце. Но в Югославии сербов было не так много – а в России русских – больше половины. Значит, может получиться так, что выстроят перед рвом – и из пулеметов посекут. И правильно делают. Развели заразу – отвечайте. Оскотинились – отвечайте. Благодарности лишились – отвечайте. А ведь в традициях его народа, татар, благодарность – одно из первых мест занимает.

А если они победят русских – их же собственные дети потом зарежут. Как баранов зарежут. Тут же – променял отца на джамаат... и эти променяют...

В этот момент старший следователь прокуратуры РТ по особо важным делам Мингазов Абыл Рамилевич понял, что война не просто близко – она рядом, в нескольких днях. Когда утром в машине телевизор смотрел – не понимал, а сейчас, стоя на месте где произошла бойня – отлично понял. Карты брошены, ничего уже не сделаешь. Когда-то – за все приходится расплачиваться, вот и их час пришел...

– Абыл Рамилевич, с вами все в порядке?

Рядом с ним стоял его телохранитель, русский. Казанский ОМОновец по имени Саша. В охрану – все татары старались брать только русских. Своим – уже на грош не доверяли...

– Все в порядке...

– Абыл Рамилевич, вы на второе место происхождения съездите? – спросил озабоченно Халиков

– Чуть попозже.

Мингазов зашел в дом, из которого выехала машина смерти, набитая взрывчаткой, мельком огляделся – красивый. Явно не просто так строили, как семейное гнездо строили. Солидно – три этажа, первый – как бы полуподвальный, везде кирпич, в два, а то и три кирпича стенная кладка. Кованые оградки, стальная дверь. Цветов почему то нет – обычно бывают. Солидно, солидно...

Зашел внутрь. Ковры, обстановка, ковры дорогие. Натоптали уже изрядно, потому и он обувь снимать не стал.

Джафер Алхасов – сидел на первом этаже в роскошном кожаном кресле, рукав на правой руке закатан, лицо белое как мел. Было видно, что человек только что пережил... можно сказать, катастрофу...

Врачиха – кинулась как коршун

– Нельзя его допрашивать! Вы что – не видите? Человек в предынфарктном состоянии, а вы!

Мингазов вдруг понял, что врачиха – тоже русская.

– Да, да... Конечно.

Ссутулившись – следак вышел.

У дверей – оттапывались несколько полицейских и Халиков

– Абыл Рамилевич, закрываем его? Ордер будет?

Да уж... Эти своего не упустят. Понимают – после того, что произошло Алхасову не удержаться, в Кремле¹⁰ никогда не простят, что сын – ваххабит. В должности точно не оставят и оставшиеся – накинута как свора шакалов на ослабевшего льва. Тот же Халиков – сейчас перед любым из новых попытается выслужиться, а то – и сам на место Алхасова претендовать.

¹⁰ Казанском, естественно.

И какой же мы ко всем чертям народ...

Следователь – посмотрел на горящего от нетерпения мента

– Не трогай пока. Пусть похоронит сына. Он – уже наказан...

И тихо, одними губами добавил

– Какая теперь разница...

Удмуртия, Россия. Ижевск, ул. Пушкинская. Здание УФСБ по Удмуртской Республике. Утро 26 июля 2015 года

Пакет с чем-то крупным внутри подбросили за ограду рабочего подъезда, относящегося к ведению ХОЗУ ФСБ по УР ночью, видеокамеры, направленные на улицу Пушкинскую ничего не зафиксировали. Сказался просчет проектировщиков системы – которых выбрали в соответствии с пресловутым девяносто четвертым федеральным законом за то, что дали минимальную цену. Как потом установили – тот, кто это подбросил, перелез через ограждение стадиона Динамо, вплотную примыкающего к зданию Управления, и перебросил пакет через высокую, кованую ограду прямо во двор ХОЗУ. После чего – тем же путем скрылся.

Учитывая произошедшее вчера – здание оцепили, улицу Пушкинскую перекрыли, вызвали саперов – которые ехали назад из Агрыза три с лишним часа. Удмуртия – это не Чечня и не Дагестан – и произошедшее вчера вызвало шок, а подброшенный через ограду пакет – панику, суету и дезорганизованность. Несмотря на наличие в республике отлично подготовленных и вооруженных подразделений по борьбе с террором – саперов сразу не нашлось, а потом им пришлось продираться через пробку. Улица Пушкинская – одна из ключевых в Ижевске, она идет параллельно Удмуртской через весь город – и ее перекрытие моментально привело к тому, что встали Удмуртская и Ленина. Непокойно было и на Воткинском шоссе и на Азина – те, кто мог покидал город. Ползли слухи, стоял вопрос о введении в город частей Национальной гвардии.

Наконец, саперы прибыли, развернули оборудование. Современный робот с манипулятором, анализатором воздуха выкатился из черного Фольксвагена, бодро покатился вверх по Пушкинской, потом свернул. На всякий случай – все присели за машинами...

Робот взял пробу воздуха и не обнаружил ни следов взрывчатки, ни работы механизма или присутствия сотового телефона. После чего – с помощью манипулятора пакет осторожно разрезали.

– Твою мать... – сдавленно произнес капитан ФСБ, управлявший манипулятором.

В уже запекшейся крови – в пакете лежала отрезанная голова. Мертвые глаза – смотрели на кованую, еще сталинских времен ограду стадиона...

* * *

Хозяина потерянной головы установили быстро – информатор ФСБ, освещал исламитов. Осветил. Ежу понятно: скармливали туфту, может, и даже наверняка он давно своим признался чтобы прощение вымолить. Как только пришла пора карты на стол выкладывать – отрезали голову. Эти – не прощают...

Один из оперов отдела по борьбе с терроризмом и политическим экстремизмом УФСБ по Удмуртской республике, живший на Пушкинской – сгонял домой и припер в кабинет начальника Управления по Удмуртской республике «игровой» лэптоп с приличным экраном. Компьютер был личным, на служебном такое смотреть было нельзя – на флешке может быть и вирус и троян. В кабинете скопилось немало начальства, как местного, так и прибывшего из Москвы. Кондиционер пока не включили, потому – было не продохнуть.

– Разрешите, товарищ генерал.

Генерал Василий Вдовин, недавно назначенный начальник УФСБ по УР махнул рукой: включай, не до устава...

На экране – промелькнула заставка «восьмого» Windows.

– Не сотрем? – поинтересовался один из москвичей

– Навряд ли – ответил другой – они сами хотели, чтобы бы это увидели...

Появился запрос на открытие флешки, опер ответил «да».

– Видеофайлы, товарищ генерал...

– Давай, включай.

– Какой?

– Да любой... – с досадой ответил генерал

Опер включил наугад первый из файлов.

Раскрылся экран видеопроигрывателя. Появилась комната, голые стены, на заднем фоне – флаг. Черный, с арабской вязью – дальше можно и не рассказывать.

Молодой человек, лет двадцати... может, чуть больше стоял перед камерой. Когда камеру включили – он перед ней уже стоял, то есть в комнате был не только он, но и как минимум оператор, которого в кадре не было.

Молодой человек был одет в обычную футболку, на щеках – черная, кустистая щетина, такая бывает когда только волосы начинают расти. Тоненькие усики. Он не выглядел ни террористом, ни экстремистом... вообще, он вызывал жалость.

– Меня зовут Абдалла, что в переводе значит раб Аллаха... – он чуть замялся и потом продолжил с вызовом – раньше меня звали Николай Проворов.

– Твою мать... – сдавленно прошептал кто-то.

– ...Несколько дней назад в Ростове на Дону бандами харбиев¹¹ были убиты правоверные мусульмане, муджихады во главе с военным амиром Абу Идрисом¹², да пребудут они по правую руку от Аллаха. Никого из них не похоронили должным образом, над их телами надругались. Харбии перешли в наступление на правоверных по всем городам, они залили кровью Шамилькалу¹³, Джохар-галу¹⁴ и другие места и убили там тысячи правоверных. Они питали злобу на них только за то, что они уверовали в Аллаха, Могущественного, Хвалимого и вышли на пути Аллаха против несправедливости и угнетения. За это – харбии и содействующие им мухарибы убили их и надругались над ними.

Сказано: если кто покусился на вас, то и вы покуситесь на него, подобно тому, как он покусился на вас¹⁵. Наши акции в Ижевске будут мстью за кровь мусульман и предупреждением всем харбиям и властям тагута. Если русисты в течение трех дней не уйдут с территории Исламского эмирата Кавказ и не прекратят оказывать помощь национал-предателям, если тербанды «полиция», «ФСБ», «прокуратура» не прекратят преследовать мусульман – кровь прольется по всей Русне, война придет на пороги ваших домов и пожрет вас, иншалла!

Мы довели до вас! Вся кровь, которая пролилась и прольется – на вашей вине. Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!

Изображение прервалось.

– Твою в Бога душу мать... – выругался Вдовин, чувствуя, что теперь кадровые решения по Удмуртии неизбежны. Прохлопали такое... да голову надо снять, мать твою. Со всех, б... оперов дубинноголовых.

– Проверить по картотеке – приказал один из москвичей, невысокий и худой – справку на стол, бегом.

Генерал Вдовин отдал приказ глазами – и один из оперов выскочил мухой за дверь.

¹¹ Те, кто воюет с мусульманами на Джихаде.

¹² Шамиль Басаев.

¹³ Махачкала.

¹⁴ Грозный.

¹⁵ Аль-Бакара 194.

– Что скажете, Александр Владимирович?

Еще один из оперативников ФСБ, прибывших спецрейсом из Москвы, полная противоположность первому – высокий, дородный – потер рукой подбородок. В департаменте он считался знающим – знал языки, хорошо разбирался в ваххабизме, знал Коран и те книжонки, которые читали эти твари. Вероятно, если бы он пришел в мечеть и совершил намаз – на него никто не обратил бы ни малейшего внимания.

– Непрофессионалы – резюмировал он – надо смотреть дальше, но я полагаю, что это непрофессионалы. Парень не уверен в себе, знак ваххабитов «Аллах Един» он явно только на видео видел. Коран он не знает, арабский явно – тоже. Заставки нет, вообще никакой значит – контактов с чеченцами или с Кавказом у них нет, по крайней мере, активных. Иначе бы мы на них уже вышли агентурными методами. Любители, скорее всего связь с Хизб-ут-Тахрир.

– Ни хрена себе любители – злобно выругался кто-то – двадцать три трупа. Откуда он взял пояс шахида?

– Мы столкнулись с чем-то новым. Законсервированные группы, в которые входят в том числе и русские. До поры никак не проявляющие себя, варящиеся в собственном соку. Потом – кто-то приезжает, и эта группа сразу становится смертельно опасной. Там не только этот пацан... есть кто-то еще. Кто-то, кто появился в городе буквально на днях и активировал сеть. Вот с ним – сюда прибыли и пояса шахидов и я боюсь узнать – что еще.

Невысокий ФСБшник полоснул взглядом Вдовина

– Не отрабатываете потенциально опасный контингент, Василий Борисович. Что у вас вообще здесь делается?

– Работаем, профилируем – привычно начал оправдываться Вдовин – по соответствующим статьям возбуждено сорок одно...

– А какого же тогда х. а – со злобой перебил ФСБшник из Москвы – у вас здесь доморощенные джихадисты по городу разгуливают? Мало нам кавказцев – шахидов, подавай теперь и русских, твою мать!

Все вдруг замолчали. Кто-то бежал, сильно топая, по коридору. Шаги приближались.

– Товарищ генерал! – с порога крикнул ворвавшийся с порога дежурный – на пруду перестрелка, есть жертвы. Автоматный и пистолетный огонь.

Вдовин побледнел.

Удмуртия, Россия. Ижевск, пляж. Примерно 11.30 московского времени

Пляж напротив Ижевского оружейного завода, на другом берегу пруда – считался одним из самых популярных мест низкобюджетного отдыха горожан. Ход на него идет прямо с набережной, через бывший яхт-клуб, теперь превращенный в семейный клуб Дача и спасательную станцию ОСВОДа, почти заброшенную в девяностые, но теперь облагороженную МЧС. Дальше – небольшая стоянка машин, и что-то вроде открытого танцпола, совмещенного с летним кафе. И вот – вы попадаете на пляж. Пляж небольшой, песок довольно грязный, то тут то там – клочками выпирает трава. В самом начале пляжа – стоит высокая спасательная вышка, всегда пустая, над ней поднят черный шар – вода грязная, купаться запрещено. Но это никого не останавливает.

Далеко не все ездят купаться сюда. За городом есть карьеры, где намного чище и небольшие пруды – но они доступны только тем, у кого есть машина. Остальные – а это, прежде всего дети и подростки на каникулах – доезжают на трамвае до парка Кирова или на велосипедах по набережной, и – здравствуй, свобода...

Старая, белая Лада – четверка, которую когда выпускал Ижевский автомобильный – у парка Кирова повернула налево, ушла под гору вниз, мимо заводоуправления завода Купол. Проехала дальше, дорога тут шла резко под гору. Потом – повернула, поехала на набережную. Остановилась – на пяточке за спасательной станцией, там, где обычно оставляют автомобили приехавшие на пляж «крутыши». Сейчас автомобилей не было, многие ижевчане парились в офисах, но было очень жарко – и потому на пляже народ был. В основном – женщины и дети...

Сидевшие в машине люди – достали из-под сидений автоматическое оружие. Они снимали квартиру совсем недалеко, на береговой – и никакой пост, введенный в связи с усилением не смог бы их перехватить.

Совсем рядом – стояла милицейская «помогайка». Двери открыты, один из сержантов дрых в машине, другой – был неподалеку, лузгал семечки, которые только что отобрал у торгующей здесь старухи. А нехрен торговать без разрешения!

Ни один, ни другой на остановившуюся машину не обратили внимания. Они все еще не поняли, что началась гражданская война.

– Берем этих двоих – скомандовал человек за рулем – возьмите автоматы, пройдете весь пляж. Там вас будет ждать лодка. Аллаху Акбар!

– Аллаху Акбар!

Двери четверки открылись одновременно. Сержант лениво повернулся, привлеченный необычным звуком и увидел вспышку, вырвавшуюся из ствола обреза. Больше – он ничего не успел увидеть...

* * *

Подбежавший к упавшему полицейскому джихадист – схватил автомат, рванул на себя – он не поддавался из-за ремня. Он рванул еще раз, потом выстрелил – и автомат поддался, он оказался в руках – тяжелый, кургузый. Было смешно и весело. Такое бывает, когда закинешься – но еще веселее, когда закинешься и стреляешь...

Ха-ха-ха...

Террорист увидел людей – и дал по ним автоматную очередь...

* * *

Изначально – автомат у них был один на всех, несмотря на расхожее мнение, достать в Ижевске боевой автомат и особенно патроны к нему не так то просто. Теперь – у боевиков было три автомата, а так же ружья и один пистолет.

Люди на пляже то же не знали, что вчера началась война, хуже того – было немало тех, кто пришел посмотреть на то место, где произошел теракт, посудачить об этом – короче, на пляже было больше людей, чем обычно для буднего дня. Услышав резкие, громкие звуки они не бросились бежать, они удивленно повернулись на них...

* * *

Среди спасателей, которые дежурили в этот день на спасательной станции – был и Виктор Быков. В МЧС – брали только тех, кто служил в армии – но он не просто отслужил в армии, но и прошел Чечню. Среди всех, кто находился в этот день на станции – он был самым опытным. И хотя он не стоял «на стреме» с биноклем, чтобы высматривать, кто заплыл чуть ли не на середину пруда – услышав звуки стрельбы он все понял сразу и правильно...

Услышав первый же выстрел, он оказался на полу быстрее, чем осознал что происходит. С Чечни в нем было вбито: обстреливают – падай, укройся и только потом разбирайся, что за хреновина происходит. Первый выстрел... он еще думал, что глушитель у кого прогорел. Но тут же последовал второй...

– Витек!

Он вскочил на ноги, пригибаясь, проскочил в соседнюю комнату

– Пригнись!

Из руки своего неопытного в таких делах напарника, он вырвал бинокль. В их сторону не стреляли – иначе бы он услышал свист пуль.

– Что там? Видел?

– Не!

– Лежи!

Он перевел бинокль дальше – и увидел, как на пляже падают люди... а кто-то уже бежит. Потом – он увидел подростка, стреляющего из автомата.

Черт...

– Звони ментам, звони нашим – пусть объявляют ЧП! Быстро! Твою мать!

Без оружия – он выскочил из здания спасательной станции, скатился вниз – оно построено на возвышенности, метров пять высотой. Мгновенно сориентировался – увидел полицейскую машину, лежащего у кустов расстрелянного полицейского...

Бандитов было двое – по крайней мере, он видел двоих. Они шли по пляжу и стреляли в людей...

Подскочив к милиционеру, он схватился за пояс – есть! Кобура – а в кобуре табельный девятимиллиметровый Грач – оружие, хоть и имеющее нарекания по качеству по сравнению с отработанным за полстолетия Макаровым – но мощное, с емким магазином – в умелых руках вполне серьезное оружие. Он вырвал оружие из кобуры, передернул затвор – так и есть, идиот соблюдал инструкцию, не дослал... какая нахрен инструкция, когда речь о жизни и смерти идет, нету тут инструкций. С пистолетом, он рванул вперед по песку, перепрыгнул через канаву, которую тут промыла вода из прорвавшейся несколько лет трубы. Он отдыхал, и потому на нем были всего лишь тапочки, по песку бежать было скверно, что творилось вокруг... лучше было даже не смотреть, не брать в голову. Оступаясь на песке, он пробежал до бывшей спасательной вышки, решил что хватит, опер руку. Бах, бах! Один из террористов, в белой майке –

споткнулся с шага и упал вперед, брызнуло красным – есть! Он перевел огонь на второго... тот как раз перезаряжал полуавтоматическое ружье, услышав выстрел он повернулся – но сделать ничего не успел. Еще три выстрела, один за другим – одна из пуль прошла мимо, две других попали террористы в плечо и в голову, тот опрокинулся на песок. В этот момент – Виктор увидел третьего террориста и... кажется четвертого. Третий – шел по самой кромке воды и косил людей, четвертый... он не был уверен в том, что это террорист – но он кажется... бежал к лестнице, которая вела в парк Кирова... быстро бежал. Он прицелился в третьего террориста... но тут в голове ярко сверкнуло, ослепительно ярко, нестерпимо ярко – и он повалился на песок...

* * *

Все произошло так, как обычно и происходило... На набережной дежурил еще один экипаж ППС, вместо того чтобы патрулировать (хотя и это бы не помогло, помогло бы наличие оружия у граждан) – они паслись около летнего кафе, которое было открыто в защитной зоне пруда, торговало спиртным из-под полы и потому вынуждено было бесплатно кормить доблестных сотрудников сил правопорядка. Услышав стрельбу – к их чести они среагировали быстро и резко: вымелись из кафе, прыгнули в машину, в течение пары минут были на месте. Увидев стреляющего человека – ничтоже сумняшеся открыли по нему огонь из автомата прежде, чем сбежавшие вниз спасатели заорали, что это свой...

* * *

Прямо с оперативного совещания – сотрудники ФСБ рванули на место, благо было совсем недалеко...

Стадом слонов – старое здание вряд ли когда-то видело такое – пробежав по коридорам, участники совещания выскочили к машинам. С воем сирен развернувшись, ударив две машины граждан, не остановившиеся вовремя – караван машин устремился по Советской, едва не сшибая пешеходов. Свернули на Горького и тут же ушли вправо – на короткий проулок, ведущий к пруду...

Внизу, на перекрестке у плотины – их встретила машина криминалистов – огромный Форд Транзит. Чуть дальше – был пришвартован взорванный теплоход, там производились следственные действия.

Головная Тойота резко затормозила

– Что за хреновина происходит? – заорал как оглашенный Вдовин

– Товарищ... товарищ генерал, стрельба в районе Купола на пляже... кажется.

– Где Охотников?

– Туда... рванули.

– Перекрывайте набережную, на...!

Сидевший на заднем сидении второй Тойоты начальник одного из отделов УФСБ, прошедший две спецкомандировки на Кавказ орал в трубку радиотелефона

– ...а мне пох...! Поднимайте всех, кто есть – тяжелых¹⁶, ОМОН, Соболь, Кречет... кого хочешь, твою мать! Гоните к Куполу! Перекрывайте парк, Береговую, Кирова...

¹⁶ Тяжелые – сотрудники, имеющие комплект защитного снаряжения, автоматы и прошедшие курс обучения антитеррористическим действиям. Основной признак «тяжелых» – пуленепробиваемые шлемы с забралами. Кречет – спецназ Минюста Удмуртии (УФСИН), небольшое, но очень серьезное подразделение. Соболь – СОБР МВД по УР.

* * *

Ищут любой возможности стать шахидами – только полные идиоты.

Организатор террора таким не был, более того – он твердо намеревался выжить в этой акции. Именно поэтому – он взял единственный имеющийся у них пистолет – старый, но надежный АПС. От пистолета было гораздо проще избавиться, чем от автомата и со стороны стрельба из него не так видна, как из автомата или ружья.

Он никогда не задумывался над тем, как он живет и правильно ли то, что он делает, он никогда не задумывался и о смерти. Там, где он начинал убивать, там, где он продолжил убивать – смерть приходила быстро, настолько быстро, что ты не осознавал того, что старая с косой явилась за тобой. Ракета с беспилотника, авиабомба...

И все.

Организатор террора был русским, более того – он был русским солдатом. Одним из тех призывников, которых бросили на преступно плохо подготовленный, бестолковый штурм Грозного в новогоднюю ночь девяносто четвертого. Пьяные генералы в штабе решили, что кто первый пройдет к центру города – получит Героя. Расплачиваться за это – пришлось тем пацанам, которые горели в бронетранспортерах, расстреливаемые со всех сторон – многие из них впервые встретились недели две назад и тогда же получили оружие, из которого их никто не учил стрелять.

Организатору – тогда повезло. Их набили в старенькие БМП и куда-то повезли – не говоря, куда и зачем. Они долго ехали, их укачало, они отравились дымом. А потом – громыхнуло и полыхнуло, он даже не понял, что произошло и что делать. Сидящий рядом старший лейтенант успел открыть люк и выпихнуть его и еще кого-то. А потом – в БМП попал еще один заряд РПГ, усиленный примотанными толковыми шашками. После такого – не выживают...

Не умея стрелять, не зная, что делать – он рванул туда, откуда меньше всего стреляли и целую ночь бесцельно шлялся по горящему, принимающему обильные человеческие жертвы Грозному. Только наутро – его схватили боевики.

Озверения тогда особого не было, рабов держать было не принято, что делать с пленными – никто не знал. У него отобрали автомат, из которого он не сделал ни одного выстрела – и отправили в горы, как фонд для обменов...

Потом он отказался от своей веры и принял ислам.

Почему он это сделал? Сложно сказать. Он рос без отца, и воспитать его как мужчину было некому. Его призвали в армию – и тот год, который он в ней служил, он не видел ничего кроме унижений и издевательств от дедов. Офицерам на все было плевать – они просто пытались хоть как-то выжить в медленно тонущей в болоте стране. Вокруг происходило что-то непонятное и никто не объяснял им, что происходит. Он видел, как к воротам части подъезжают джипы – и деды выносят цинки с патронами... большую часть денег забирали офицеры, но что-то доставалось и дедам. Их плохо кормили и почти ничему не учили – страна проиграла войну и учить кого-то чему то – было бессмысленно. Потом – их привезли сюда – и бросили на убой.

Чеченцы были совсем не такими.

Он видел, что хотя они живут довольно тяжело и бедно – но в то же время в них есть некое единство, они – народ, сражающийся за свое выживание. В них было что-то такое, что давно утратил русский народ – пьяный, слабый, расхристанный и... разьединенный. Да, именно так. Когда чеченца обижали – сбегались вооруженные родственники. Когда обижали русского... он шел и пил на кухне водку.

Так он принял ислам. Вступил в бандформирование. И даже успел поучаствовать в штурме Грозного, который привел к тому, что русисты как всегда трусили и убрались, оставив Ичкерия свободной...

Тогда же – он взял себе жену. Русскую. Русские в Чечне были на положении изгоев – но его жену не трогали, потому что он был мусульманином и как чеченцы – поддерживал закон кровной мести. Правда, у него не было родственников – но отомстить ведь могут и соучастники...

В двухтысячном, когда русисты вторглись снова – он отправил жену с ребенком в Русню как беженцев. Сам – сражался до конца, отступил в Грузию. Потом – из Панкиссии завербовался и уже в две тысячи четвертом оказался в Пакистане. Там, где исподволь, незаметно организовывался, собирал силы, переформировывался разгромленный Талибан.

За то время, пока он шел по пути джихада – он не стал истинным мусульманином – но он научился искренне ненавидеть и имел собственные мотивы для войны. Он видел, что Запад... и Русня тоже, потому что Русня часть Запада – обязательно проиграет войну. Потому что за ними нет правды. Потому что за ними нет веры.

Звездным часом для него стала встреча с амиром Айманом аль-Завахири, вторым человеком в Аль-Каиде. Она произошла в одиннадцатом году на племенных территориях. Амир говорил недолго, но каждое его слово он помнил до сих пор. Разве справедливо то, что на севере находятся огромные земли, которые никто не обрабатывает – в то время как здесь правоправные ютятся на крохотных клочках каменистой, неплодородной земли в горах. Даже когда мы одержим победу, и американские харбии уберутся с залитой кровью правоправных земли Афганистана – разве на этом джихад будет закончен? Разве может джихад закончиться до того часа, когда не останется ни клочка земли, на котором не славили бы Аллаха. Разве голодные и угнетенные мусульмане – не имеют права жить на лучшей земле, чем сейчас?

Это – говорили уже тогда.

Так он, в числе прочих – вернулся. Вернулся на Родину, которую навсегда отверг в груди. Вернулся, чтобы убивать...

Его семья осела в Ижевске, небольшом городе, где жили русисты. Он нашел их – хотя сам он жил не в Ижевске и не мог пока приехать...

* * *

Пистолет в последний раз дернулся в руке – и бежавшая женщина, толстая, нескладная, уродливая, выставившая свое уродство напоказ – споткнулась и упала, что-то крича. Из черной дырки в спине потекла кровь. Кричал что-то и ребенок, руку которого она выпустила из своей руки...

Он навел пистолет на ребенка и нажал на спуск – но выстрела не последовало. Магазин был пуст...

Значит, на сегодня все. Аллаху Акбар!

Кричали со всех сторон. Прижимая пистолет так, чтобы его не было видно, он бросился вместе со всеми к узкой лестнице, ведущей с пляжа в парк Кирова. У самой лестницы – бросил пистолет за линию кустарника, где валялись всякие обертки, пустые пивные банки, презервативы и прочий харам...

Наверху он, хромя – проскочил мимо двух ментов, которые ошалело пытались что-то сделать, сами не зная, что. Побежал дальше. Проскочил зону отдыха парка, побежал дальше. На стоянке зоопарка – его ждал неприметный серебристый седан Хендай. Выезд из города – совсем рядом, перекрыть город не успеют. Сыну и жене – он сказал что делать – да и не тронут их. Никто их не тронет – потому что сын стучит ФСБ, считается агентом...

Перед тем, как сесть в машину – он бросил сотовый, шарахнул по ему каблуком. Американцы – прекрасно умеют отслеживать людей по сотовому – а в последнее время это хорошо научились делать и русисты. Рисковать не стоит – он знал, куда ехать, где его встретят и укроют...

* * *

На звонок, пришедший на этот аппарат через несколько минут никто не ответил. И на все последующие – тоже...

* * *

Последний из террористов, прошедший весь пляж до конца – поднялся на небольшой взгорок, которым заканчивался пляж, там было что-то вроде бухточки и тут били ключи. Никакой лодки – конечно же не было...

Выстрелив и убив мужчину – он бросился по крутой тропке в парк, который здесь переходил в глухой лес...

* * *

Бронированный КамАЗ остановился у ограды парка Кирова – и из него один за другим стали выпрыгивать бойцы в черной боевой униформе спецназа, с автоматами и снайперскими винтовками, в шлемах с забралами, выдерживающими попадание пули ТТ. От обычных полицейских бойцы Кречета отличались как волкодав от дворняги – и повадками и снаряжением, всем. В отряде – было целых четыре снайпера, в том числе женщина, майор полиции, мастер спорта по биатлону. Последним – выбрался проводник с собакой.

Командир спецотряда, подполковник полиции Лобов коротко переговорив по сотовому с начальством, махнул рукой
– За мной!

* * *

Последний из остающихся в живых террористов – запыленно дыша, бежал по лесной тропинке, ведущей к очистным и к санаторию. Автомат оттягивал руку – но бросать его было нельзя, кажется, там оставались патроны. Граната в кармане больно била по ноге. Куда бежать дальше – он не знал, просто знал, что надо бежать. Харбии – на хвосте.

И этот тоже – был русским, даже не татарин – русским! Родился в семье, где не было отца. Мать – пила, уволили с работы – спилась совершенно. С детства шлында по улицам, «подшибал» мелочь у малолеток, калымил на Сенной¹⁷. Никому он не был нужен... сейчас вообще никто и никому не был нужен. Пока не встретил девчонку... а та его познакомила с правоверными. Потому что и сама была правоверной.

В исламе – он нашел то, что не находил до этого нигде – ни в школе, ни в церкви. Из церкви его погнали – оборванный, озлобленный, он просто не вписывался. Из школы – он ушел, потому что бил «маменькиных сынков», вымещая свою злобу на весь этот поганый мир, отбирал у них деньги – а родительский комитет в итоге ополчился на него – десяток взрослых на одного пацана. Он слышал про Союз ветеранов, про то как они «гоняют черных» – но у него

¹⁷ Центральный базар.

с детства были друзья из цыган – а вот русские ему ничего хорошего не сделали. Сделали – только правоверные из подпольной ваххабитской ячейки.

Ислам – нравился ему всем. В исламе – если человеку негде переночевать, он может пойти и переночевать в мечети, и никто ничего ему не скажет. Попробуй-ка, приди, переночуй в православном храме – как тебя оттуда вышибут! В исламе – жертвовать во время праздников надо было не мечети – а бедным. Зарезал на праздник барана – треть отдай бедным. И часть закята, собираемого с мусульман – тоже полагается отдавать бедным. Конечно, не все и не всегда это делали – но как объяснили пацану его новые друзья: есть настоящие мусульмане, а есть ненастоящие – это хуже неверных. Ненастоящие мусульмане – это как раз те, чьи Порши стоят на Азина во время Ураза-Байрам, так что не проехать – и при этом они пьют харам и подчиняются тагуту. Это те, которые отстроили шикарную мечети в центре, за Сенной – но при этом не дают ни рубля тем, кто идет по пути Джихада, не принимают раненых мусульман и не вредят русистам. Они только с виду благочестивые – а на самом деле держат собак, пьют харам и дают деньги в рост. И прикрываются словами... типа «Джихад это что, а вот вы попробуйте реабилитировать хотя бы одного наркомана».

Наркомания, притеснения, несправедливость – от власти. Правоверные – борются с властью и ведут джихад. Как только правоверные придут к власти, как только все примут ислам – все станет общее, никто не будет ни с кем ссориться, никто не будет ни у кого ничего отбирать. Каждый станет братом каждому.

Но для того, чтобы так было – надо воевать. Воевать против несправедливости, против власти. Джихад.

Вот так – русский паренек по имени Вадим и оказался летним днем на пляже с автоматом. Вот так – он оказался в лесу с отрядом спецназа на хвосте...

На тропинке – он натолкнулся на парня. Коренастый, крепкий, по пояс голый – он шел навстречу, а за ним семенила девчонка.

– Э, братан, не знаешь, что там...

Парень осекся. Гулко хохотнула короткая очередь и завизжала девчонка. Вадим рывком схватил ее за руку

– Как выйти к дороге?!

* * *

Выстрелы – услышали спецназовцы, моментально сменив направление движения, они бежали цепью, как волки, загоняющие дичь. Впереди – хрипела, рвалась с поводка собака, над кронами деревьев – уже грохотал вертолет, в нем – снайперы готовились к бою...

* * *

– Как выйти к дороге?!!!

Девчонок – он ненавидел, а особенно таких. Светленькая, ухоженная, явно домашняя. Красивая...

– Тварь!

Рука описала полукруг, щеку жигануло болью.

– С. а!

Он ударил ее стволом автомата, нажал на спуск, но автомат не ответил привычно громкой очередью. Кончились патроны.

– Тварь! Тварь! Тварь! – девчонка размахивала руками, раз за разом пытаясь достать в слепой ярости того, кто убил ее друга, того, кто в этот момент был для нее воплощение зла.

Он ударил ее по голове. Затем схватил ее – она оказалась на удивление легкой и потащил за собой. Теряя время – которого у него и так не было.

* * *

Марина – задыхаясь, бежала по тропинке, опережая отряд. Как тогда, на первенстве России по биатлону, на гонке преследования – когда она упала, и врачи потом сказали, что с профессиональным спортом надо завязывать. Нога напоминала о себе и сейчас – но выбора не было...

Ей все время приходилось что-то доказывать. В СДЮШОР, где она почему то стала белой вороной и ее постоянно шпыняли другие девочки. В отряде – она была одной из немногих женщин – снайперов в милиции. Под Беноем – когда один из бойцов Альфы решил воспользоваться ситуацией. Тогда после разбора полетов между своими командир группы, молодой, наголо бритый майор – отозвал ее в сторону, дал маленький скелетник и сказал – при повторении первому же всадишь в ляжку. Я разрешил...

Амур лаял где-то позади. Она опередила отряд минимум на триста метров.

Деревья внезапно кончились – и она едва не свалилась в овраг, который тут остался после того, как начали какую-то дрянь строить – да так и не достроили... вон труба ржавая из земли прет.

Она вдруг поняла – что опередила и террориста, и что оврага ему не миновать.

Тяжело дыша, Марина упала на самом краю обрыва. Рывком закинула вперед болтавшуюся на спине накидку, чтобы не было видно лица и рук, принялась устанавливать на позицию заказной, подарочный спортивный Вепрь...

* * *

Деревья канули куда-то, он едва не упал спиной вперед. Грохот винтов вертолета вдруг стал почти невыносимым – Ми-17 показался из-за деревьев, широкая дверь на борту была открыла, луч лазерного прицела был оттуда, ища цель.

Он рывком подтянул девушку к себе. Полез в карман за гранатой.

– Аллах Акбар!

* * *

Она прекрасно видела террориста, проблема была в другом. Вертолет – принес с собой сущий кошмар для снайпера: мощные воздушные потоки от винтов и пыль, поднятую пыль и грязь, которой в одно мгновение наполнился воздух. Расстояние было смешным для снайпера, сотня метров – но наличие заложницы делало ситуацию очень неопределенной, а выстрел – сложным, тем более до подхода отряда.

Тут террорист полез в карман – она это отчетливо видела – и посмотрел на вертолет – при этом, он повернулся так, что был виден его затылок. Марина среагировала мгновенно – тяжелая, в сто семьдесят пять гран пуля пролетела на краю оврага и попала террористу в голову, чуть выше, чем она ожидала. Удар пули был так силен, что расколол весь верх черепа террориста. От головы отлетел кусок – и террорист покатился вниз, увлекая за собой заложницу...

* * *

Привязавшись шнурами к деревьям, двое сотрудников спустились вниз, в овраг. Еще двое – страховали их, держа террориста под прицелом автоматов.

Один из спецназовцев, в паре метров от трупа взгляделся – и подал условный знак, скрепив руки. Все, дело сделано. Спустившись вниз, они подняли заложницу, один из спецов показал большой палец – жива. Сверху спустили веревку с обвязкой и начали поднимать заложнице наверх, идти она не могла, пришлось тащить...

– Что как дрова тащите!? – заорал на подчиненных Лобов – осторожнее! И уберите кто-нибудь вертолет к е...ой матери!

На краю обрыва – надрывалась служебная собака. По лесу подходили ФСБшники и полиция, шли шумно. Спецназовец внизу, ничего не трогая, взгляделся в террориста, выругался про себя.

– Товарищ подполковник, на вид русский... – растерянно доложил он по рации

– Поднимайся. Ничего не трогай...

Удмуртия, Россия. Пригород Ижевска, коттеджный поселок Metallurg. Ранний вечер 26 июля 2015 года

Несмотря на то, что в городе много чего не работало: жизнь на заводах едва теплилась... наверное все девяностые и всю первую половину нулевых, Удмуртнефть продали китайцам – Ижевск просто оброс коттеджами. Сначала это были кирпичные, в два – три кирпича коттеджные поселки, в последнюю пару – тройку лет скромными загородными домами начал обзаводиться средний класс, по крайней мере – богатая его часть. Одним из самых престижных направлений считалось Воткинское шоссе – скоростная трасса, переходившая в Удмуртскую, центральную и основную улицу города, поддерживающуюся всегда в хорошем состоянии. Коттеджные поселки, которые строили на этом направлении – в рекламе обязательно указывали, сколько времени занимает дорога на машине до центра города. Сейчас – Воткинское шоссе активно застраивали, здесь же – строили будущее здание Министерства внутренних дел республики – современную высотку, не менее шикарную, чем офис Верховного суда за Администрацией города. Но пока – не достроили.

Коттеджный поселок Metallurg считался не слишком престижным, по крайней мере – не сравнить с Биатлоном, поселком на месте бывшей базы биатлонистов, где построились, в том числе первые люди Республики. Когда-то давно – здесь «дикарем» построили три десятка кирпичных коттеджей, потом – изгвазданное тяжелой техникой колхозное поле нарезали по шесть соток работникам Metallургического завода Ижмаш, находящегося через дорогу. Сейчас – Metallургический завод, в конце восьмидесятых оснащенный современным оборудованием для производства дорожных автомобильных спецсталей для новых моделей Автозавода – стоял мрачным памятником разрухе, жизнь теплилась только в одном из корпусов, который то ли китайцы, то ли вьетнамцы снимали под склад. Те, кто развалил и разграбил завод, вывез все оборудование – почему то решил, что здесь – современный многоэтажный корпус заводоуправления послужит офисным центром, а разграбленные цеха – легко переделают под склады сами арендаторы. Но мародеры просчитались – слишком далеко от города, сюда даже городские автобусы не ходили. И сдать не смогли... правда, ходили разговоры, что есть на территории какие-то... особенно по ночам... и чуть ли не стрельба слышится. А на противоположной стороне дороги как стали жить посытнее – так бывшие работники стали продавать маленькие участки... а кто-то их скупал, менялся, объединял в большие, сносил убогие халабуды и строил приличные коттеджи. Жизнь шла своим, неспешным и несуетным чередом – и конца-края этому – видно не было...

Коттеджи стояли от самой дороги – и поэтому некоторые владельцы без спроса проделывали ворота в общей ограде и делали себе индивидуальный, никем не контролируемый въезд – выезд с дороги. Так было и у этого коттеджа – на самом деле, большого деревенского дома, приличного размера, но примитивного, без башенок и других архитектурных изысков. Так строят, когда денег не особенно много – но есть земля и хочется жить в настоящем коттедже. Иногда даже – своими руками строят. И земли тут было – всего двенадцать соток, богатые люди так точно не строят.

Разбор полетов по возвращении из Агрыза перешел в тяжелую, нехорошую пьянку, которая заканчивается потасовкой, а то и стрельбой. Вояж в Агрыз, город на границе Удмуртии и Татарстана, который обладает стратегической важностью и за который никто толком не отвечает – закончился гибелью троих братьев. Не удалось ни убрать машину, ни вывезти тела – значит, вполне можно ждать визита и сюда. Учитывая обстановку – объявлен Вихрь-Антитеррор, машины следующие из города и в город подвергаются сплошному досмотру, хвост из грузовиков отсюда и до поста ГИБДД под горой отлично виден – следовало ждать скорого визита и

сюда. А это значило – оружие, особенно нарезное следовало немедленно спрятать, договорится о том, кто и что будет говорить в случае ареста, подготовить алиби. Это надо было делать и Котов, второй стрелок и заместитель командира отряда настаивал на том, чтобы сделать сначала именно это. Но его послали по матушке и завалились пьянствовать – причем что сам Старшой был категорически против пьянок. Однажды он одернул одного из братьев, которого видели на улице пьяным. Пить, как пьют «русские фошизды» – это значит купить водки, запереться у себя дома и ключ спрятать – чтобы пока не протрезвеешь и не вспомнишь, где ключ – даже на улицу чтоб не мог выйти.

Пили. Вспоминали. Снова пили. Сауна не приносила отдохновения, а водка не приносила забвения – поэтому, продолжали. Никто не знал, что будет дальше, никто не знал, что происходит сейчас в городе – все просто хотели забыть. Никогда. Ничего. Больше. Не помнить.

– Старшой? – спросил один из братьев, капитан полиции, служивший в ГИБДД

– Чего?

– Почему так, а?

– Ты чего?

– Вот почему так, а? Что этим тварям не живется, а?

– У них спроси.

– Не... Я их мочить буду

Мочилу вовремя остановили, не дали выйти из-за стола.

– Сиди. Выпей еще...

Налили. Распили еще по одной. Не отпускало.

– С..и. Где они прокололись, где... – один из братьев чуть не плакал

– Где-где... – сказал второй, прошедший Чечню – у них уже не спросишь. Так бывает... не все в одни ворота...

– Надо мстить идти. Мечеть этим с...м сжечь.

– Э...

– А ну, хорош! – раскатистый рык командира покрыл ворохнувшийся было шум – с духами разберемся. Но кого у мечети увижу – лично разбираться буду. Мы не шпана подзаборная...

Неизвестно, к чему бы это пришло, настроение было реально скверное. Но тут – зазвонил телефон. Командир поднял трубку...

– Нашли. Вышел на нас сам. Едем, – сообщил знакомый голос

– Добро.

Командир нажал на отбой. Мельком заметил разомкнутый замок на экране мобильного – защита снята, работает СОПМ. Но и это его – не отрезвило, хотя должно было бы.

– Что?! – спросил один из братьев

– Ничего. Сиди – разберусь.

Двое – подобрали в городе Алмаза и повезли его сюда. Про Алмаза – знали очень немногие люди и по трезвой голове – знать о нем было и необязательно вовсе. Но трезвых то голов в этот момент – как раз и не доставало...

До дачи – добирались проблемно. На Воткинском – пробки, которых тут отродясь не бывало – а теперь есть. Шмонают только так...

Напротив заводоуправления давно умершего завода – УАЗ-Патриот свернул с дороги, плюхнулся в подсыпанную, немного размытую дождями канавку, перевалился через нее, подкатил к обшарпанному забору. Водитель вышел, поджал засов в нужном месте – что-то звякнуло и ворота открылись. УАЗ въехал внутрь, где его уже ждали...

– Вылазь! Давай, давай...

Алмаз... одетый в тонкую ветровку, черные, тренировочные штаны под Адидас, кроссовки – вылез. Его уже ждали – человек семь. Заведенные, на адреналине, водке и горе.

– Ну... здравствуй, друг любезный... – начал Старшой, который в свое время отмазал этого оборота от тюрьмы...

Алмаз сделал шаг вперед – и бывший ФСБшник, даже пьяный, смурной и злой, с совсем не соображающей головой вдруг понял, что сейчас произойдет. В глазах агента было то, что бывает в глазах человека, который шел долго, очень долго – и наконец, одолел весь путь до конца и пришел к цели.

– Аллах Акбар! – торжествующе сказал Алмаз и сунул руку в карман.

В следующий момент, голова Алмаза взорвалась, исчезла как целое, как моментально исчезает пробитый пулей воздушный шарик. Вместо головы – на его плечах вдруг оказался страшный, обломанный, брызгающий кровью обрубок – и лучший информатор Ижевской группы повалился «под себя» как подкошенный со звуком, с каким мешок зерна падает на асфальт.

Выстрела никто не слышал.

– Ложись! – запоздало крикнул старшой – и все растянулись на асфальте. Водитель – бросился за машину и залег.

И... ничего.

Только гул крови в ушах да какое-то, на грани слышимости, шипение...

Старшой поднял голову первым, огляделся.

Котов – вечно трезвый, умный и злой – стоял на балконе соседнего дома, который он недавно купил в кредит и держал в руках тот самый, полуавтоматический штурмовой Вепрь с самодельным глушителем...

Старшой начал подниматься

– Лежать! Не трогать ничего!

Котов – скрылся на втором, мансардном этаже своей дачи. Через пару минут – он появился уже здесь, с небольшими ножницами и универсальным инструментом. Склонился над трупом террориста, разрезал одежду.

– Твою мать... Какую резать?

* * *

Еще несколько дней назад – здесь было не припарковаться, гульбанили и в бывшем казино на первом этаже и даже в летнем кафе, которое организовали в массивной бетонной чаше самого стадиона. Гульбанили и в будние дни, что говорить о выходных... Теперь – здесь были только машины ментов... господа, никак не привыкнешь полицейских, которым в этот момент давал про...ть первый замминистра МВД республики и оперативников УФСБ, которые в это время не были «в полях», не трясли агентуру. Увеселительные заведения были закрыты, проезд на эту улицу с одной стороны перекрыл бронетранспортер, с другой – пост ГИБДД. Такие меры безопасности были вызваны тем, что только что поступил анонимный звонок и молодой голос сообщил о предстоящем ночью штурме здания УФСБ. Сейчас – в город уже входили части Национальной гвардии, снайперы заняли позиции на зданиях по Пушкинской, на многоэтажке отеля Парк-Инн на Центральной площади, на зданиях Правительства, Администрации президента и Администрации города. В городе – действовали планы Перехват-333, Вихрь-Антитеррор и Поиск. Решался вопрос о введении комендантского часа – но и без этого молодежи на улицах было немного.

Как всегда – конюшню запирали только после побега лошади.

Старший опер отдела по борьбе с экстремизмом и терроризмом Дмитрий Башлыков подрулил к ближайшей стоянке, когда на часах было два часа дня. Только изошренному бюрократу – могло прийти в голову собирать в этот момент оперативное совещание с участием пашущих

в полях оперов. Собирают их со всего города, с окрестностей, гнать в центр города. Но увы – оперативную беспомощность всегда подменяли служебным рвением.

На своем телефоне он сменил карточку. Как только пришло условное сообщение – а спецы, отвечавшие за этот сектор всегда предупреждали своих – он сразу поставил СИМку, купленную у кавказцев на рынке. Не все разговоры – стоило слышать начальству.

Совещание планировали в актовом зале Министерства внутренних дел, он распложен совсем рядом, буквально в здании пристроенном к зданию ФСБ. На входе – нацгвардейцы, в бронежилетах, с автоматами, собака. Улица перекрыта, машины со стоянки перед зданием, которая была маленькая, но очень престижная, тут даже министр парковался – убрали.

В зале – аншлаг как на десятое ноября¹⁸. Менты, ФСБшники – пробираются на свои места, приглушенный шум разговоров, шарканье ног. В президиуме – начальнику службы, министр внутренних дел, кто-то из правительства, остальные – похоже москвичи. Все полны собственной значимости, осознания важности и нужности происходящего. Своего места здесь, на которое никто не смеет покуситься. Спектакль должен быть разыгран до конца – с грозными словами, с насупленными бровями, с выступлениями с мест, с раздачей ценных указаний и киванием в знак того что поняли, осознали, готовы выполнить, рвемся в бой. Иногда – Башлыкову хотелось на таких вот коллективных камланиях – встать и заорать во всю глотку – просто чтобы убедиться, что он еще в своем уме. Конечно, выгонят... да и хрен с ним.

Он сел на свободное место... неудобное то и дело надо будет вставать, чтобы пропустить кого-то. Потом – на свое место пошел начальник наружки, пришлось встать. Потом – прошел еще кто-то. Сел – встал. Сел-встал.

Ванька – встанька. Твою мать.

Немного потряхивало. Хотелось, несмотря на жару – купить в ларьке самой дурной водки и дерябнуть прямо из горла.

Он пошевелился, отыскивая на более комфортную позу для сидения – и вдруг понял, что в кармане у него звонит привычно поставленный на минимальную громкость телефон.

Этот номер не знал никто.

Он осторожно вытащил трубку

– Алло.

– Живой?

Черт...

– Что надо? Я занят.

– Приезжай.

– Я сказал – я занят.

– К нам наведались.

За шиворот – как кусок льда сунули. После того, что он видел на пляже – он понимал, что прежним уже никогда не станет.

– Ты где?

Видимо, совещание уже началось, из президиума недовольно посмотрели в сторону стоящего, разговаривающего по телефону и нарушающего сценарий офицера – и со всех сторон моментально отреагировали, на него зашикали, а кто-то больно пихнул в бок.

– Сядь! – громкое, начальственное шипение сзади.

– Я сейчас буду!

По ногам – Башлыков принялся выбираться из зала. Пока что – он был здоров...

¹⁸ День милиции.

* * *

Свою подержанную Оптиму, приобретенную по случаю – он едва не загнал. У нового здания ГИБДД на Воткинском шоссе – за лихачом, охренев от такой наглости погнались гайцы¹⁹ – но увидев ксиву с мечом отстали...

Башлыкова встретили на въезде – хмурые, злые. Проводили до места. Он выскочил из машины – сразу бросилась в глазах уже подсохшее темное с белесыми брызгами пятно на асфальте. Он знал, что это может быть такое.

– Что?!

Старшой, который и привел Башлыкова в органы, хмурый, злой, совсем трезвый – пома-нил пальцем, толкнул широкую пятую дверь Патриота.

– Глянь!

Башлыков глянул... хапнул воздуха, но ему от этого стало только еще хуже. Он уже вто-рые сутки жил впроголодь, на шоколаде, пирожках, Ред Булле²⁰ – так что теперь все это рва-нулось вверх по пищеводу со скоростью локомотива – и он едва успел отвернуться...

– На, держи. – Старшой не сказал ни слова, молча протянул платок.

Господи...

– Кто это?

– Агент наш. Подорваться решил здесь, гнида.

– Это его инфа была?

– Да, его...

Мутило. Он едва стоял на ногах.

– Надо саперов вызывать. Спецзвонд.

– Уже обезвредили. К свиньям собачьим саперов. Слышал про Дикую охоту?

– Чего?

– Дикая охота. Они на нас ее затеяли. Неплохо бы и на них... короче, по городу мы не проедем. Одни. Но с твоей ксивой – запросто.

– Нет...

– Сдриснул?

– Вы что, охренели? Надо следствие вызывать, надо...

– Надо идти по следу. Сейчас. Может, они не все разбежались, кого колонем на горячем.

В городе может быть несколько ячеек, этот урод давно выжидал.

– На пляже людей постреляли – вдруг сказал Башлыков – крови – море.

– Тем более. Хочешь помочь – помогай. Нет...

Что если «Нет» – Старшой не сказал. И без этого было страшно.

– Решай прямо сейчас, Дима. С людьми ты или с говном. По-хорошему уже не будет, кончились игрушки. Нас без ножа режут.

Диме было страшно. Очень. Привычная ксива, удостоверение сотрудника ФСБ, гарантия безнаказанности – в этих раскладах уже не играла. Он мог творить все что угодно, но в рамках правил. Не закона – правил! Одно из правил – против своих не играть. Нарушил – проблемы твои. Но и жить так дальше... нельзя.

– С вами.

– Уверен?

– Что собираешься делать? – ушел от ответа опер

¹⁹ Сотрудники ГИБДД, раньше ГАИ – оттого и «гайцы».

²⁰ Энергетический напиток.

– Наведаемся к этому уроду домой. И посмотрим, что там к чему. Нам твоя тачка и ксива нужна. С ней – пройдем. А этого урода надо вывезти, в лесу закопать. Собаке – собачья смерть.

Удмуртия, Россия. Ижевск. Коттеджный поселок Татар-базар. Вечер 26 июля 2015 года

Машины – остановились на крутом спуске, на съезде к вокзалу, крутой спуск вниз. Это не было коттеджным поселком в обычном его понимании – шикарные коттеджи с кирпичными заборами чередовались здесь с совершеннейшими, неопределенно-темного цвета убогими строениями времен соцреализма – этих уродцев еще не успели снести, чтобы построить на их месте коттедж. Богатые люди – покупали здесь сразу несколько смежных участков, объединяли. Были здесь примечательные дома, например в японском стиле, с японским садом камней – как игрушка. И тут же – разбитая вдребезг дорога. Это общее, не чье-то конкретно. Улицы вообще здесь были скверные – некоторые заканчивались тупиками, резкими подъемами вверх, по которым обычная машина могла и не пройти.

– Стоп – приказал Котов, достал телефон, набрал номер Старшого – на месте.

– Мы тоже. Ровно – начинаем...

– Добро.

Котов посмотрел на часы – без пяти по местному...

– Может, ближе подъедем?

– Поучи батьку детей делать. Пять минут – готовность. Вперед не лезть – смотрите фланги и тыл...

Мысли мчались в голове, подобно стронутому с места грозой конскому табуну. Вот нахрена они это – слить информацию в ФСБ и все. Но с другой стороны – ФСБ запросто дров наломает. А что если там их информатор сидит? Ведь не просто же так Ижевск целью выбрали.

А что если там – целый джаммат с РПГшками сидит? В хлам ведь раскатают. Сначала их, потом на вокзал рванут. Поездов вроде под вечер нет, московский давно ушел – но все равно народ найдется. Вот тебе и резонансный захват заложников, мать твою...

– Время... – напомнил один из бойцов

– Маски надеть. Пошли.

Короткой цепочкой, один за другим – они пробежали по дороге, к коттеджу, не большому, но и не маленькому... скорее не коттеджу, а дому такому... добротному. По другой улице – заходила другая группа, чтобы зайти с другой улицы, с тыла, не дать им уйти...

Башлыков – уже решил постучать, Котов перехватил руку

– О...л?

Хлопок из ружья с глушителем вблизи бы довольно громким, многим громче, чем ожидаешь от глушителя – но совершенно не похожим на выстрел. Заряд картечи проделал дыру, во дворе – в ярости зашлась собака. Котов бросился вперед – на нем был бронежилет, не пожалел на него денег – и вот, приходилось. Собаку – кавказца – он снес двумя выстрелами, даже не визгнула. Бегом, бегом... из окна гранату выбросить – да запросто... все тут во дворе и полягут. Дверь – но она оказалась не заперта. Жаль, фонарь на ружье не включить, придется так переть... надо будет потом кронштейн. Еще дверь, пинок...

– Кто вы...

Законы боя диктуют своё – женщина получает удар в лицо, падает, Котов падает на нее, выпустив ружье. Главное – контролировать руки, у нее может быть пояс шахида. Это старшой научил, он с шахидами не в теории имел дело, а на практике – пока не вышибли за то, что командир отказался долю от боевых отстегивать. В дом прорвались... остальное сделают уже другие. Женщина что-то воеет...

* * *

– Это что такое, с. а?

Женщина – лет сорока, даже побольше – смотрит исподлобья. В руках у Старшего – упаковки от мобильных телефонов.

– Тебе на кой х... восемь мобил, а? Отвечай, тварь!

Женщина молчит.

– А откуда у тебя там швейная машинка, обрезки ткани... да не простой ткани. Ты что, тварь, не понимаешь, о чем я?

– Старшой!

Из кухни – выходит один из бойцов. Тема, десятник, прошел Кавказ. Старший сержант. Был...

– На кухне жарачки полно. Как минимум на троих взрослых мужиков. Баранина, все такое. Чеченские блюда.

– Где ваш сын? – спрашивает Башлыков

Женщина что-то отвечает на незнакомом языке.

– Что?

– Это на чеченском. Пожелание доброго здоровья...

– Все чисто! – спускаясь с мансардного этажа, говорит еще один боец – два ноута, оба забрал. Вон, глянь, что я нашел такое...

Командир берет в руки сигаретную пачку.

– Таджикистон...

– Не трогай. Дай сюда... – в Башлыкове просыпается опер

– Бери... Все равно он смылся уже. Ищи ветра в поле, сюда он не вернется.

Старшой – спрашивает женщину на чеченском, та отвечает, коротко и резко.

– Ладно. Тема, иди, подгони машину. До Кенского леса прокатимся...

* * *

– Везут!

Новенький УАЗ-Патриот притормозил возле разрытой ямы, следом за ним ехала покрытая пылью по самую крышу КИА.

– Никого не видели?

Двоих бойцов оставили у ямы – оставлять ее без присмотра незарытую нельзя

– Никак нет

Скворец, он же Старшой подошел к задней дверце внедорожника, открыл ее и вытащил женщину. Ударом ножа разрезал липкую ленту на лодыжках и запястьях. Рывком схватив за руку, поволок по земле к свежевыкопанной яме.

– Ну? Глянь! Этого ты хотела, тварина!? Этого!?

Женщина завывала. Этот вой рождался из самого центра его существа, сначала он был низким и не громким, но потом – возрос почти до визга. Взмахнув руками, она бросилась на Скворца – но тот отбросил ее в яму.

– Не-е-е-на-а-а-ави-и-и-и-жу-у-у-у... – женщина выла и скребла землю руками.

– Что же ты по-русски то, а, с. а?

Внезапно – Старшой протянул руку, схватил женщину и одним рывком выдернул ее из ямы. Навалился сверху, прижал к земле. Женщина не дышала – хрипела и лязгала зубами как в эпилептическом припадке

– Не-е-е-на-а-а-ави-и-и-и-жу-у-у-у...

– Ненавидишь, тварь? А я то вас как ненавижу! Вы, падлы, твари немытые, на мою землю пришли, здесь права качаете, русских убиваете, сами подохнуть готовы, только бы нас перебить. Но я, с... пока жив... я вас зубами рвать буду, поняла, тварина, зубами, я все ваше семя под корень выведу. Вы десять убьете, а я сто убью, вы сто убьете, а я тысячу. Поняла, тварина, не будет по твоему, поняла, тварина... не жить вам здесь...

– Не-е-е-на-а-а-ави-и-и-жу-у-у-у... агхр...

Котов обхватил командира сзади, рванул со всей силы.

– Будет, б... будет. Будет, ну! Руки отпусти, руки...

Вдвоем – обезумевшего командира удалось оторвать от матери террориста

– Будет, будет... Серый, возьми его.

В свете фар – Котов подошел к женщине. Сидящей на краю ямы, куда сбросили ее сына. Который в свою очередь был террористом и напялил на себя пояс шахида, чтобы убить как можно русских людей.

– Что же вы делаете, б... – негромко сказал он – что вам, тварям, не живется? Какого... вы сюда приехали? Что вам у себя не жилось? Что же вы жить то не хотите, мрази? Мужа закопали, старший в банде, так ты младшего, гадина шахидом сделать решила? Что же ты за мать то такая, змеина подколотная...

– Мужа закопали. Копалка не выросла... он тебе голову отрежет... придет время. Кто его убил? – вдруг спросила женщина, хрипя от передавленного горла

– Я – ответил Котов

– Чтобы у тебя дети как кутята в ведре с водой подохли... Чтобы тебе смерти не нашлось...

– Не беспокойся, найдется. Только я сначала твое все кубло перетоплю. Пока жив буду – рвать буду, пока за каждого, кого вчера, сегодня... по десятку не изведу, не уйму. Весь ваш народ в могилу сведу, чтобы мстить было некому. Джихад хотите – так будет вам гадам, джихад... Что же тебе и выродку твоему не жилось, что же вы убивать то нас пошли?

Котов говорит спокойно – но от этого еще страшнее.

– Не понять тебе этого. Не понять...

Женщина вдруг бросилась на него – но Котов был начеку.

– Ы-ы-ы... Как же вы не понимаете! Как же вы не понимаете?! Почему вы не понимаете? Почему они борются? Почему они с вами борются? Почему они не прекращают? Почему они не прекращают? Почему они не прекращают?! Почему они умирают!? Почему они умирают, шайтаны вы... чтобы вашим матерям так же...

Очередной бросок – и снова мимо. Котов ногой спихнул женщину в яму, она уже не пыталась выбраться – а просто тряслась на груди убитого сына

– Почему они умирают... почему они умирают... почему лучшие умирают... почему лучшие умирают...

Котов – сделал несколько шагов, как слепой наткнулся на капот машины. С силой шарахнул по нему кулаком, так что до крови. Капот промялся под кулаком...

– С. а, с. а, с. а... – как заведенный нудно бубнил он и бил кулаком по капоту, чтобы прийти в себя от боли...

– Будет... Будет...

– Старшой...

Скворец хлопнул его по плечу

– Засиделись мы тут, пора по сто грамм и на нары. Кончишь ее?

Котов ошалело посмотрел на Старшего.

– Не...

– Сам видишь, тварь какая.

– Не... Я с бабами воевать не подписывался... не... не подписывался, не...

Скворец подошел к ближнему бойцу, взял у него ружье, подошел к яме. Оглушительно бабахнул выстрел, вой и причитания оборвались.

– Серый, Лузга, закопайте... – почти обычным голосом сказал он, возвращая ружье.

– Есть. Есть.

Двое принялись забрасывать яму в безжалостном свете фар.

– Что же ты, брат? Этого – кончил и не поморщился. Он ведь меньше был виноват, чем тварина эта, тому мозги промыли, а эта...

– Закурить дай.

– Ты же не куришь.

– Дай...

Скворец достал пачку Винстона, задумчиво потрянул

– Бросать надо. Да все равно своей смертью не помрем.

Котов неумело принял губами сигарету. Поджег, втянул дым, закашлялся и выронил сигарету изо рта. Затаптал.

– Эх, ты... слабак.

– Не... Не прав ты, Старшой. Нельзя...

– Что – нельзя?

– Так – нельзя. Так мы как они сделаемся. Я ублюдка кончил, потому что знал, какая гнида. Если бы я не выстрелил, всех бы – в куски, понимаешь? Всех.

– А так бы – не выстрелил?

Котов помолчал какое-то время.

– Не знаю, Старшой.

– А я знаю – командир заговорил тихо и строго – я тебе одну историю расскажу, может и поймешь. Давно это было. Я тогда срочку ломал, молодой, б... В поле ветер, в ж... дым. В Чечню мы с севера заходили...

Командир и сам прикурил. Прополоскал рот дымком, затем продолжил говорить

– Там сельцо было... не сказать что богатое, но у дороги. И речка – через него. Поступил приказ зачистку делать. Зашли в адрес... мужиков нет... понятно, где все. Баба да детишек целый выводок. Волком смотрят. Парнишка у нас один был... тоже срочник. Он в подвал, полез... А там...

Командир снова затянулся

– Дети там... Пацаны и девчонка одна... не знаю, как там оказалась. Короче... баба эта рабов держала, зиндан у нее был. Не сама, конечно, просто перевалочная база. Для похищенных, наверное. Как только она бэтры наши увидела, так она задвижку отворила, которая с реки на водоводе и... И все...

Помолчали

– И что? – наконец, спросил Котов.

Что-то... Парнишка этот... фамилию забыл, Серегой вроде звали. Он из подвала вылез, молча. И эту тварь со всем ее кублом... одной очередью. Пятнадцать лет ему потом дали... пожалели. Не знаю, где сейчас. Девчоночка та... беленькая, молодая совсем, в платишке... в гарем похитили твари. Мы потом мстили за них... пленных не брали. Срочняки, а понимали. Не служил ты там брат, поэтому и не поймешь...

– Если хочешь, из десятки уйду – сказал Котов.

Скворец посмотрел на снайпера.

– Уйду... Ты брат мне. И пацанам этим теперь – что второй папа, жизнь подарил. Мы в ответе за тех, кого приручили – не слыхал, что ли?

– Слыхал.

– Вот и заткнись. Уйду...

Скворец глянул на зарытую яму, смял пальцами окурок. Затем – аккуратно подобрал и окурок Котова.

– Надо дом как следует обшмонать. Мы что-то упустили...

– Я... надо компьютеры вскрыть... – Башлыкова потряхивает, но он пытается не подать вида – там может быть... информация.

Скворец и Башлыков смотрят друг другу в глаза. ФСБшнику деваться уже некуда... кровью повязанный. Что же за жизнь то такая пошла... скотская...

– Добро. До города дойдем, там – свободен. Что найдем – отзвоним. И еще... Если тревога – просто звякни мне на мобилу. Два звонка и отбой. Потом какой другой номер набери... чтобы незаметно. Понял?

– Понял.

* * *

Кто-то торкнулся в дверь, в голос выругался матом, застучал кулаком... точнее даже забарабанил. Котов выругался, закрыл ноутбук, сунул его под стол. Он боролся с экстремизмом, в том числе в Интернете, и взламывать пароли, тем более несложные, стандартные – мог и без криминалистов. Глянул на часы – два ночи...

Надо открывать...

За дверью был Сбоев... невысокий, с хитрым лицом пройдохи... тот еще липач. По десятку дел в месяц, причем реальных сроков – раз-два и обчелся. Но это уже никого не колышет, дело есть – есть. Расследовано, закрыто? Расследовано, закрыто. А то что на выходе пшик – так кому какая разница. Не е... как говорится. Он мечтал о переводе в Москву и потому – рвал когти.

– Ты чо?

– Не спится...

– Начальство всех, кого может, собирает. Аврал! Чо заперся?

– Щас, иду...

* * *

Внизу, в холле – раздавали автоматы, спешно облачались в бронежилеты. Было двое из москвичей.

– Вот еще, товарищ Песков. Из террора.

Москвич коротко глянул

– Одевайся. Броник, автомат, один бэка. На стрельбище давно был?

– Давно.

– Хрен с ним, в оцеплении постоишь. Что за хрень, целое здание – и никого не найдешь. Башлыков хотел огрызнуться – мол все вторые сутки на ногах. Но не стал...

– Да не так...

Москвич показал, как правильно надо надевать бронежилет.

– А что произошло?

– Раскололи сотовые. У этого ублюдка сотовый оказался, он его не уничтожил. Удалось «историю» расшифровать, кажется, вышли на лежку террористов. Может, пустышка, а может и козырей потянем.

Москвич злобно выругался

– А где лежка то?

Москвич глянул подозрительно.

– А тебе чего?

- Может, адрес знакомый. Я же по этому направлению работаю.
- Татар...
- Татар-базар?
- Точно. Десятая улица... Что там?
- Частная застройка. Нет, на десятой ничего не помню...
- Давай, в темпе...

* * *

- Тронулись – тремя машинами, по ночному городу шли ходко. Без сирен.
- У Сенной – Башлыков достал телефон, набрал номер... не дай Бог ошибиться. Один звонок, другой. Сброс. Еще один... наугад. Сонный голос, незнакомый...
- На ночь не жди. Я работаю.
 - Башлыков снова нажал на отбой, прежде чем на той стороне – кто-то ответил.
 - Тебе же вроде не перед кем отчитываться? – подмигнул Сбоев
 - Уже есть перед кем...

* * *

Примерно в два тридцать сотрудники ФСБ прибыли на Татар-базар и едва ли не полчаса искали нужный дом. Когда они ворвались в него – там уже никого не было...

* * *

Ночью Удмуртская была полупустой: любителей погонять на японском мотике как ветром сдуло. Пробирались в основном дворами, благо знали их, а все дворы перекрыть было невозможно. Поставили машины. Надо было сменить – но возможности не было. Ночь не принесла облегчения, было душно как перед грозой. Где-то на горизонте – сверкало...

В Миндале на Удмуртской 212, круглосуточном элитном магазине – закупились жрачкой, банками Ред Булл, от которых жгло в желудке, парой пузырей... не с водкой, а с лимонным тоником Швеппс... хорошо голову освежает. С этим со всем – завалились на конспиративную квартиру, она была совсем рядом, от нее можно было проскочить на Удмуртскую, Карла Маркса, дворами на Пушкинскую и на Ленина – основные улицы города. Хорошая квартира, в общем...

Завалились спать. Сил – не было совсем.

Утром, в девять – раздался стук. Кто проснулся, кто нет – реально устали...

– По Куршевелю²¹ жить не получается... – выругался Котов, доставая ружье

Скворец – тяжело протопал в прихожую, лязгнул замком.

– Э, ты чего...

– Башлыков...

– А если нет?

– Тогда хоть отдохнем в изоляторе по-человечески. Благо до Базисной тут недалеко.

Но это и в самом деле был Башлыков. Смурной, в каком-то спортивном костюме, с ноутом подмышкой. Под глазами мешки как у подгулявшей бабы.

– Смотрелись...

²¹ Жить по Куршевелю, Куршевельское время – вставать в двенадцать – час дня и ложиться спать в пять–шесть утра следующего. Автор пробовал – голова как чумная, не получается так жить. Чиновников и олигархов наших – пожалуй тут можно.

Скворец кивнул

– Ну, заходи, что ли... Только тихо, не топай как слон...

Башлыков не разуваясь – никто не разувался, если что бежать проще – прошел на небольшую кухню. В окне – серая громада дома напротив, утро. Ранее летнее утро две тысячи пятнадцатого года...

– Что нашли?

– Ни хрена толкового.

– Я кое-что нашел. Вскрыл почту. Куча писем, в одном фотография...

– Покажи...

В тесную кухню протиснулся Котов с мокрой головой и банкой Ред Булла. Протянул руку, открыл окно.

– Что тут у вас. О...

На экране ноутбука была фотография.

– Знаешь, где это?

– Как не знать. Уфа, автовокзал. На заднем плане река Белая где Чапай утонул. Тут многие на память снимаются, панорама – во!

– Туда автобус из Ижевска ходит?

– И туда и оттуда.

– Башкирия значит.

– Туда лучше не соваться – сказал Башлыков

– Почему?

– Чревато. Как и к татарам.

– Уже сунулись...

Башкортостан, Россия. Автовокзал. 27 июля 2015 года

Дорога из Ижевска на Уфу кружная, прямой нет – идет через Пермский край, через Чайковский – город у плотины, где родился и жил великий русский композитор. Потом – она петляет по городам и весям, идет через Пермский край, через заброшенные, пришедшие в запустение русские поселки, через лес и через небольшие городки, идет мимо места, где приземлились первые собаки, побывавшие в Космосе, идет дальше. Потом – она идет уже по Башкирии с ее бескрайними просторами и плакатами, а то и обелисками с высказываниями отца нации Муртазы Губайдулловича Рахимова. Сам Муртаза Губайдуллович давно уже не президент – но разрушить в данном случае намного сложнее чем построить – и они по-прежнему стоят, указывая башкирам путь в светлое будущее. Башкирия от Пермского края отличается лесостепями в отличие от глухих русских лесов, хорошими дорогами более ухоженными населенными пунктами. Здесь уже почти все – из кирпича, из добротного красного кирпича – в то время как в Пермском крае многие дома бревенчатые и обшиты потемневшим от времени тесом. Почему так – никто не знает...

Взяв с собой двоих – наиболее сообразительных – Скворец рванул в Уфу. Никого не предупреждая... он имел связи среди русских организаций там, каждое действие вызывает противодействие и в Уфе русские организации были и в немалом количестве... когда слышишь на улице, как будут резать русских – только дурак будет сидеть на попе ровно и ждать этого. Потому люди были... а Скворец торопился, потому что знал: одно из двух. Либо точно такой же теракт произойдет в Уфе. Либо – организатор террора уйдет через Уфу, потом, наверное, через Казахстан и – ищи-свищи.

Ни то ни другое Скворца не устраивало.

Сидя в неприятно пахнущем искусственной кожей кресле китайского туристического автобуса, Скворец мрачно размышлял. Он не был наивным и мог кое-что оценить и сделать выводы. Он ненавидел в душе государство, ненавидел россиянскую власть, слабую, глупую, продажную, сиюминутную, равнодушную – и не понимал, почему на Центральном совете было принято решение не вступать в конфликт с властями, решать свои задачи, собирать силы, обучать людей, копить оружие – и при этом поддерживать государственность до тех пор, пока это возможно. Он бы счел это предательством – если бы не знал тех людей, которые приняли это решение. Предателями они не были, они не раз стояли за Россию и за русских с оружием в руках, они принимали летевшие в Россию пули – и тем самым они отличались от досужих «интернет-мыслителей», которым что водка, что пулемет – все одно с ног валит. Тем удивительнее было решение, которое приняли после долгих споров и с минимальным перевесом. Но – приняли.

А вот теперь – он понял. До селезенки проняло!

Дело в том, что среди нас – есть чужие. На самом деле чужие, они выглядят как мы, они могут говорить на нашем языке – но они совсем не такие как мы. Они среди нас и сколько их – неизвестно никому. Пока есть государство, пока есть хоть какой-то порядок – мы можем их останавливать. Но не будет государства – и они перекрасятся, выползут из всех щелей. Они ждут хотя бы минутной, хотя бы секундной нашей слабости – чтобы наброситься, напасть, отнять все что у нас есть. Они тоже хотят революции – чтобы сильные но глупые урусы в очередной раз перегрызлись из-за какой-то, никому не ведомой правды. А для них правда только в одном – есть свои, и есть чужие. И все. Больше – нет ничего.

Наверное, поэтому на Совете – был такой раскол. Те, кто из центра России выступал за свержение государства и основание своего, подлинно русского. Те, кто с Юга, с Кавказа, с национальных республик – выступали за поддержание текущей государственности столько, сколько

возможно. Они просто знали, что новое государство, русское, советское, неважно какое – основать нам не дадут. Пойдут со всех сторон – а в спину ударят эти. И – все...

* * *

На въезде в Уфу стоял бронетранспортер, усиливая пост ГИБДД. Солдаты Национальной Гвардии вместе с ГИБДДшниками – шмонали машины. Причем не так, как это делают... скажем на ижевских постах ДПС и даже на въезде в Татарстан. Шмонали конкретно – как на Кавказе, в беспокойных кавказских республиках. Одно это – говорило о ситуации лучше, чем все успокаивающие заверения. Зная о том, что здесь такое – они поехали без оружия, оружие, в числе прочего – отправили сюда сборным грузом, Грузовозофф-ым.

После получаса стояния в искусственной пробке, проверки документов – автобус снова тронулся. Покатались в окнах индустриальные пейзажи, ректификационные колонны, железнодорожные пути с разноцветными цистернами, высокий забор, который теперь прикрывал нефтеперерабатывающий от обстрела трассерами с дороги (что уже было). Дорога начала резко вихлять, они ехали по типично индустриальному пригороду, у дороги были двухэтажные, покрытые потемневшим от времени тесом дома на четыре семьи, у них сушилось белье, играли дети, стояли старые, иногда полуразобранные легковушки еще советского периода и современные газели, на которых местные подрабатывали в грузотакси. Дорога шла в гору, они взбирались на холм, на один из тех холмов, на которых стояла Уфа, они были еще круче, чем в Ижевске. По правую руку – можно было различить неторопливо текущую реку Белая...

Потом – автобус свернул, покатился вниз и еще раз повернул. На склоне – стояло здание эпохи советского конструктивизма, с большой площадью остекления и пятиэтажной высоткой, словно воткнутой сверху и выглядящей как рычаг переключения передач. Это и был уфимский Северный автовокзал, за ним – было троллейбусное кольцо, троллейбусы здесь еще ходили...

Автобус остановился. Пассажиры потянулись на выход. Было жарко, душно – в основном после долгого пути все тянулись к ларькам с мороженым и водой. Тут же – были и водители такси, пристававшие ко всем подряд...

Скворец достал телефон, набрал короткий номер, который помнил наизусть. Голос электронной дамочки сообщил, что он может оставить сообщение.

Приплыли.

В принципе – Башлыкову он и не верил, потому что знал – что такое сейчас друзья в органах. Это в его время – слово друг еще что-то значило, когда развалился СССР – органы развалились не сразу. Сначала не было денег – совсем, и оставались только фанатики, державшиеся и друг за друга и за работу. Но таких становилось все меньше – а остающиеся разочаровывались все больше. Потом – денег начало становиться все больше и больше, сначала неофициально, потом и официально. И в органы – хлынули те, кто шел сюда с конкретной целью: заработать. С этого момента – распад стал уже необратим...

Но ничего. У него – и свои знакомые здесь есть.

– Сказал, не надо такси... – отмахнулся он, смахнув руку. Пристававший таксист был особенно наглым.

Таксист не отставал.

– За двести в любую точку города – выкрикнул привычную белиберду и вполголоса добавил – от Башлыкова привет. Идите за мной...

Мимо неторопливо грузящихся автобусов, по запруженным людьми лестницам – они поднялись наверх. Один пролет, другой... Вышли на улицу... было не столько жарко, сколько душно. Скворец был здесь не раз – но такой погоды не припомнил...

– Вон, машина моя...

Скворец глянул на приткнувшийся «под знаком» БМВ, не последнего года, но приличный, потом перевел взгляд на фургон Фольксваген с высоким и длинным кузовом, приближающийся со стороны стоянки троллейбусов – и сразу все понял. Но сделать ничего не успел, они уже были со всех сторон и явно – это было не первое их задержание. Он обернулся... увидел двоих мужиков, одинакового примерно роста, держащих пистолеты – пулеметы... они не смотрели ему в глаза, они смотрели ему в район живота, в геометрический центр цели и стояли так, что куда не рванись – очередь перепилит. Приехали... Потом – в бок уткнулся пистолет и чей-то голос произнес.

– Шагай к машине...

В машине – том самом Фольксвагене – их сноровисто, ухватисто приняли. Электрошокером в почку, мешок на голову, наручники на руки...

* * *

Они ехали какое-то время... на удивление недолгое, может – минут пять. Потом – еще немного, машину сильно трясло. Потом – машину остановили, их начали принимать, одного за другим, тащить, подхватив под руки. Куда-то вниз, в подвал...

Потом их передали из рук в руки, протащили немного, потом с них сорвали колпаки. Они были в каком-то подвале – но не частного дома, а обычном, бетонном подвале. Светил свет – но не им в лицо, а так, чтобы освещать сцену. На стене – висел черный флаг с белой саблей и шахадой, перед ним – стояли боевики. Одеты в гражданское, но с черными масками. Два автомата, пистолет-пулемет, обрез из помпового ружья...

– Добро пожаловать в Имарат Кавказ, болгарский вилайят, русисты.

Скворец сплюнул

– Это моя земля. А не твоя.

Вопреки ожиданиям, его не ударили. Боевики... засмеялись.

– Ты – глупый русист. Глупый и слабый. Это – его земля, а не твоя. Его дети будут жить на ней по Шариату, а не твои...

С этими словами лидера боевиков – один из террористов стянул свою маску. Скворцу – впервые стало страшно от того, что он увидел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.